

Часть 1

Их было двести тысяч. Несчастные обитатели космического корабля, двигатели которого повредил астероид. Система защиты сделала все возможное, но... не настолько хорошо, чтобы после столкновения можно было продолжить полет. До ближайшего обитаемого мира тысячи астрономических единиц, сигнал о помощи будет идти годы. Надежды на спасение не осталось: корабль медленно вращался вокруг своей оси, гонимый инерцией все дальше и дальше, в сторону от намеченного пути, в глубину черной бесконечности.

Паника, крики, полные ужаса взгляды, ищущие поддержки в глазах того, кто рядом... Команде стоило больших усилий успокоить пассажиров, навести порядок. Управляющий экспедицией делегировал все полномочия капитану, позволив тому принимать решения и использовать любые меры для поиска выхода из кризисной ситуации. Если потребуются – не считаясь с моральными устоями и правами гражданских. Все ради одной цели: найти путь к спасению.

Были урезаны рационы питания, жестко контролировались расход и регенерация кислорода, ограничено потребление энергии. Упаднические настроения подавлялись в зародыше, для этого некоторых пассажиров изолировали, запирали в корабельной тюрьме. Но человек привыкает ко всему: прошла неделя, другая, уже никто не роптал, беспрекословно подчинялись приказам, убеждали себя, что капитан прав, что не все потеряно, надо лишь потерпеть, не терять надежду.

Прошло несколько месяцев, прежде чем их терпение, наконец, было вознаграждено! В зоне видимости корабля появился крупный объект.

– Что это? – спросил управляющий, выглядывая из-за плеча капитана.

Тот облизал пересохшие губы, выдавил из себя хриплым голосом:

– Путевая Станция!

Огромное сферическое сооружение, созданное не силами природы, но руками разумных существ. Когда-то галактика была наполнена этими осколками древней, давно исчезнувшей цивилизации, сейчас же они встречались все реже и реже. Объекты были различны по форме и размерам, но каждый из них настолько непохож на все, что создавали люди и известные человечеству цивилизации, что ошибиться невозможно – это действительно Путевая Станция. Приют для странствующих.

После осмотра объекта и короткого совещания капитан принял решение о переселении. Размеры станции, превышающие корабль в десятки раз, навигационные огни, свидетельствующие о наличии энергии, результаты исследований других подобных приютов, известные людям, обещали гораздо больше возможностей, чем могла дать поврежденная скорлупка, созданная на Земле.

Времени у них было немного. Остановить корабль или затормозить его они не могли, поэтому необходимо было за несколько дней перебросить двести тысяч человек и все запасы продовольствия, используя лишь два челнока, имеющихся в наличии. Они успели. Последний рейс челнок № 2 совершил на предельной для своих возможностей дальности, когда брошенный корабль почти скрылся из виду...

* * *

– Капитан, посмотрите! – девушка в белом, местами заштопанном платье, пыталась пробиться к суровому человеку, окруженному охраной, – Посмотрите, прошу вас! Это важно!

Охранники оттеснили ее, не позволяя приблизиться. Девушка держала в руке пачку бумажных листов, на которых черными, размашистыми закорючками были намалеваны странные знаки. Капитан замедлил шаг, обернулся.

– Кто вы?

– Наталья Светлова, – она тянула шею, пытаясь выглянуть из-за плеча телохранителя,

– Я преподаю литературу в школе.

Он снова отвернулся.

– Запишитесь на прием. Сейчас я занят.

– Вы не понимаете! – крикнула девушка, – Мы можем найти дорогу... Я знаю, как прочитать...

Капитан махнул рукой. Кто-то ухватил девушку за локоть, потащил в сторону.

– Пустите, идиоты! Я должна поговорить с ним!

Некоторое время она сопротивлялась, потом к жандарму присоединился еще один, ее скрутили. На запястьях щелкнули наручники.

– Куда эту? К остальным?

– Нет, пускай пока в одиночке посидит.

Провели по коридору, заставили спуститься вниз по узкой лестнице. Слабо освещенное помещение, вдоль стен которого тянулись ряды металлических дверей, когда-то было светлым залом, построенным чужими с неизвестной целью. Теперь это была тюрьма.

Одна дверь открылась – из комнаты для допросов вывели человека. Жандарм, конвоирующий девушку, бросил напарнику:

– Постой, давай ее сразу к майору. Он, кажется, освободился.

Наташа взглянула на арестованного, заметила у него на лице кровоподтеки. Мужчина показался ей знакомым. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: в колонии все видели друг друга хотя бы раз.

Ее втолкнули в комнату, посадили на стул. Молодой парень в форме, едва ли намного старше Наташи, мельком посмотрел на Светлову, снова углубился в свои записи. Конвоир положил ему на стол пачку листов, которыми совсем недавно девушка трясла перед капитаном. Вышел.

– С какой целью занимались экстремистской деятельностью? – не поднимая глаз спросил ее майор.

– Это неправда. Я ничего такого не делала. Я лишь хотела показать капитану, сообщить, что...

Майор взял несколько листов с черными символами и Наташа заметила на костяшках его пальцев ссадины. Скривилась с отвращением.

– Я лишь хотела сообщить, что знаю, как найти дорогу в центральную часть Станции. Я могу прочитать их знаки.

Он приподнял брови, показал бумагу, которую рассматривал, как бы спрашивая – “эти?”.

Она кивнула. Усмехнувшись, майор покачал головой.

– Сказки. Нет никакой центральной части. И вам это не хуже меня известно, девушка. А вот распускать слухи о таких вещах, смущать народ, подталкивая его к беспорядкам, это и есть самый настоящий экстремизм.

Он не стал ее дальше допрашивать. Вызвал конвойного, приказал запереть Наталью до утра, “чтобы подумала”.

Клетушки камер отделялись друг от друга матовыми бронированными стеклами, в которых для вентиляции, под самым потолком, были сделаны круглые отверстия. Преподавательница литературы видела справа и слева от себя размытые силуэты других арестантов: когда они приближались – становились более четкими, удаляясь снова превращались в мутные пятна.

– За что вас? – слышался голос из-за стекла.

Наташа не сразу поняла, что обращаются к ней. Голос уточнил:

– Да-да, вас.

Пожала плечами.

– Говорят, за экстремизм.

Сухой смех с астматическим посвистыванием перешел в надрывный кашель. Когда человек с той стороны успокоился, он тихо пробормотал:

– По мнению капитана мы все экстремисты. Но за что вас на самом-то деле? Чем вы ему не угодили?

Приложила ладонь к холодному стеклу.

– Пыталась доказать, что есть дорога в центральную часть Станции. Показывала надписи чужих, которые сумела расшифровать, – она прищурилась, вглядываясь в размытый силуэт, – Я вас знаю? Это вас допрашивали передо мной? И голос мне кажется знакомым.

Человек вздохнул.

– Возможно. Я общался со многими студентами филфака. И даже пытался доказывать, как и вы, что символы древних можно прочесть.

– Ну конечно! – воскликнула девушка, – Профессор Тучин! Как я вас сразу не узнала?

Он снова засмеялся, но в этот раз сдержанно, чтобы не закашляться.

– Ничего удивительного. Физиономия от побоев, знаете ли, слегка распухла.

Наташа метнула полный ненависти взгляд в сторону металлических дверей, за которыми был коридор и допросная комната майора.

– Вы поправитесь. Мы с вами еще докажем, профессор...

– Ничего мы не докажем, деточка. Я уже во всем сознался – и в том, что совершал, и... Во всем остальном тоже.

Девушка сжала губы, прильнула к стеклу, будто хотела дотянуться своим теплом до одинокой, искалеченной души.

– Но вы ведь верите, что это правда? Что у любой Путевой Станции есть сердцевина, в которой созданы условия для нормальной жизни?

За стеклом долго молчали. Наконец, когда Наташа уже перестала ждать ответ, профессор заговорил.

– Мы исследовали объект на глубину не более пятидесяти метров. Я входил в состав комиссии, которая занималась этим год назад, сразу после переселения. Что там в глубине, куда мы не смогли проникнуть – неизвестно. Официальная версия – энергетическое ядро. Но почему внешние уровни, в которых нам сейчас приходится ютиться, больше похожи на технические помещения, чем на жилые отсеки? Где древние устроили оазис для космических путников? Ведь не среди канализационных труб и электрических кабелей, правда? Черт побери, да мы на своем корабле жили в лучших условиях! Если б найти золотой ключик к тайному ходу в этой камерке. Эх... Но что теперь говорить.

Наташа чувствовала, как бьется ее сердце. Она потянулась выше, к вентиляционным отверстиям.

– Послушайте, профессор. Профессор Тучин! Я знаю, это звучит самонадеянно, но, кажется, я расшифровала некоторые надписи. И знаю, как попасть внутрь. На самом деле все просто, надо лишь следовать указателям.

– Никому больше не говорите об этом. И сами выкиньте из головы.

– Но почему?!

– А вы оглядитесь вокруг. Как считаете, капитану и команде нужна центральная часть? Мне кажется, им гораздо уютнее среди труб и кабелей. Вечная чрезвычайная ситуация, знаете ли, непрерывная борьба за выживание, в которой они главные, а интересы остальных не имеют значения.

Профессор замолчал. Его фигура стала расплывчатой, он отошел от стекла и, похоже, не собирался продолжать разговор.

* * *

– Я отпускаю вас, но в личном деле будет предупреждение, – майор поставил размашистую подпись, протянул Наташе бумагу, – Еще раз позвольте себе нечто подобное и одной ночью в камере вы не отделаетесь. К администрации, тем более к капитану, вам приближаться запрещено.

Она кивнула, смяла бумажку, сунула ее в карман платья. Некоторое время смотрела на майора в упор, пока он, почувствовав ее взгляд, не поднял голову.

– Вы можете идти. Или что-то еще хотите?

Она вздохнула, набираясь смелости.

– Я знаю, вы мне не верите. А может боитесь верить. Но... Хотите, я покажу вам?

Майор выпрямился.

– Что покажете?

– Дорогу. В ту самую сказку.

Он с раздражением бросил ручку на стол.

– Вы просто невыносимы, Наталья... – заглянул в дело, – Наталья Светлова!

Несколько раз пришлось проходить мимо патрулей, но, завидев майора, странную пару неизменно пропускали. Наташа не могла угадать, на каком уровне находится, но ей почему-то казалось, что они спустились гораздо ниже пресловутых пятидесяти метров. Время от времени майор спрашивал “куда дальше?”, девушка сверялась со знаками древних и указывала направление.

Через полчаса остановились в тупике. Наташа лихорадочно листала записи, бормоча себе под нос “не то, не то...”. Ее спутник нетерпеливо оглядывался по сторонам, переминался с ноги на ногу. Когда девушка просмотрела все бумаги и стала перечитывать их по второму кругу, он не выдержал.

– Вы потратили час моего времени! Боюсь, я вынужден буду доложить...

– Как вас зовут? – перебила Наташа.

– Для вас я просто майор. Но если это поможет поиску сказочной сердцевины, – он с издевкой усмехнулся, – То Чернаков, Вадим Сергеевич.

– Вот он, Вадим Сергеевич, – она показала ему загадочный символ, – Не знаю, почему в первый раз пропустила его.

Майор с сомнением поглядел на странную, почти детскую закорючку.

– Очень хорошо. Рад за вас, Светлова. Что дальше?

Она огляделась, провела ладонью по плоской панели, стирая толстый слой пыли. Чернаков с удивлением увидел на металле рисунок: такая же закорючка, как на бумаге в руках Наташи.

– Черт тебя подери...

– У вас есть оружие?

– Зачем? – майор нахмурился, – Есть, конечно.

Девушка надавила на панель.

В первую секунду ей показалось, что отключились освещение и искусственная гравитация. Потом она поняла, что под ними просто раскрылся люк и теперь они падают в бесконечную пропасть. Вадим Сергеевич истошно вопил, нелепо размахивая руками. Наташе тоже было страшно, но она верила, что падение вот-вот закончится, их подхватит неведомая сила и плавно опустит в центре другого – просторного, чистого и теплого мира.

Часть 2

Удар был жестким, но не настолько, чтобы переломать им кости. Наташу с майором бросало от стенки к стенке, потому что шахта перестала быть вертикальной, она изгибалась, плавно меняя наклон. Гладкая поверхность не позволяла за что-то зацепиться, но, к счастью, по той же причине не было риска налететь на выступ, или, не дай бог, какой-нибудь крюк.

Девушка быстро поняла, что сила притяжения тянет ее к одной из стен. Значит, шахта стала горизонтальной. Скольжение замедлилось, они остановились. Светлова со стоном перевернулась на бок, одернула подол платья, потирая ушибленные колени. Вадим уже стоял на ногах, оглядывался по сторонам. В некоторых местах стены слабо мерцали – видимо, там были скрытые лампы – это позволяло ориентироваться, не натываясь друг на друга, как если бы они были слепыми котятками. Но даже освещение мало чем могло им помочь: вокруг никаких признаков выхода, ни знаков, ни намека на люк или что-то подобное.

– Я знал, что это плохо кончится. Черт меня дернул ввязаться с вами в эту... эту... дурацкую авантюру!

Наталья брезгливо покосилась на него, поднялась с пола.

– Боитесь признаться себе в том, что для вас это так же важно как и для меня?

– Ну бред же! Абсолютный бред! Для меня ваши сказки вообще не имеют никакого значения! – он сплюнул, прошел несколько шагов и девушка заметила, что майор слегка хромотает, – Куда теперь прикажете? Обратного мы вряд ли сможем забраться!

Она оглянулась и вынуждена была молча согласиться, что обратной дороги нет.

– Что? Язык проглотили? – снова подошел он к ней, ошпарив злобным взглядом.

– Хватит на меня орать! – не выдержала Наташа, – Мы с вами не в кабинете для допросов! Оба находимся в одинаковом положении!

– По вашей вине!

– С вашего согласия!

Уже отвернувшийся было майор резко развернулся, дернул рукой, будто хотел занести ее для удара. Наташа заставила себя стоять прямо, не пытаясь защищаться.

– Ну давай, ударь, – процедила сквозь зубы, – Ты ведь привык бить гражданских, не так ли, майор?

Лицо его покраснело от гнева, но Вадим сдержался, опустил руку. А в следующее мгновение и вовсе утратил к девушке интерес. Она усмехнулась.

– Я знала, что...

– Тихо! – майор прижал палец к губам. Он поворачивался, словно старался уловить какой-то звук. Наташа насторожилась, послушно замолкнув, стараясь не шевелиться, но так ничего и не услышала. В тот момент, когда уже хотела съязвить про слуховые галлюцинации, до ее ушей донесся стук. Далеким, едва различимым. Он был непостоянным, прерывистым, иногда, казалось, переходил в скрип. Звук не приближался, но и не удалялся. В конце концов все стихло. Они ждали, что это повторится, но вокруг царил тишина.

– Что это было? – шепотом спросила Наташа. Она видела, как правая рука майора легла на кобуру. Он медленно покачал головой из стороны в сторону.

– Откуда мне знать, – рука оставила кобуру в покое, – Пойдем-ка отсюда.

– Куда?

Вадим глянул на Наташу, словно на глупого ребенка.

– А... Ну да, – согласилась девушка и они вместе двинулись в единственно возможном направлении, прочь от рукава шахты, плавно изгибающегося вверх.

Наташа не пыталась больше заговорить с Вадимом. И дело не только в личной неприязни: она боялась пропустить, не услышать таинственные звуки, которые с равным успехом могли принести им как спасение, так и гибель. Через час, когда они, не сговариваясь, остановились передохнуть, майор сам нарушил молчание.

– Рассказывай.

Наталья прикусила язык, прежде чем задать еще один глупый вопрос – “о чем?”. Постаралась собраться с мыслями.

– В общем... Я далеко не все понимаю из того, что зашифровано в символах. Но те знаки, которые смогла обнаружить там, – указала пальцем вверх, на обитаемые пятьдесят метров внешнего слоя станции, – Поняла и проверила. Почти все. В основном это указатели, по большей части технические: где энергетические узлы, где скрытые коммуникации, ну, и прочее в том же духе. Однако некоторые из них указывали на... Я не смогла перевести, поэтому просто решила считать это сердцевиной станции.

– Почему так решила?

– Потому что... Мы разве переходили на “ты”?

Майор ничего не ответил, он сидел, прислонившись спиной к стене, смотрел в одну точку. Наташа хмыкнула, продолжила:

– Потому что все они указывают вниз, вглубь станции. И элементы именно этих символов говорят о том, что речь не об энергетике, не о технической инфраструктуре.

– А о чем?

Девушка постаралась заглянуть майору в глаза.

– Об обитаемой части.

Он вздохнул.

– И ты решила, что, руководствуясь одним из этих указателей, сразу попадешь в свою любимую сердцевину?

Она нахмурилась, обиженно опустила голову.

– В общем... Да. Пусть не сразу, через какие-то... Какие-то шлюзы, может быть. Но – да, попаду в сердцевину.

– Зато теперь, конечно, понятия не имеешь, где мы оказались?

Она помотала головой.

– Отлично. Идем дальше.

Наташе показалось, что он едва слышно добавил “дура”. И сейчас она была близка к тому, чтобы согласиться с ним.

– Смотри по сторонам, – сказал майор, – Вдруг увидишь еще какие-то указатели.

Но они шли час, другой, третий – на их пути не попало ни одного знака. Девушка с тревогой думала о том, что ей уже хочется пить, и что, даже если они найдут воду, им все равно нечего есть.

Пару раз они снова слышали звуки, похожие на те, что доносились раньше. Майор высказал предположение, что это “дышит” сама станция: возможно, какие-то секции нагревались, какие-то остывали, расширяясь или сжимаясь. Но Наталья почему-то не верила в эту теорию.

– Постой, – бросила она Чернакову, надеясь, что тот сбавит шаг, обернется.

– Ну чего еще?

– Мне... нужно.

– Делай, раз нужно.

– Прямо... – огляделась по сторонам, – Прямо здесь?

– Выбор у тебя небольшой. Ладно, я пойду вперед, догонишь. Оглядываться не стану, не переживай.

Он уверенно зашагал дальше. Наташа еще мгновение сомневалась, потом стянула трусы, присела, подобрал подол. “Черт побери, даже жалко терять жидкость, когда так хочется пить! Но я еще не дошла до такого состояния, чтобы...”. Стук армейских ботинок прервал ее мысли. Наташа едва успела оправиться, натянула белье, выпрямилась.

– Ты же обещал идти вперед, не оглядываться!

Даже при плохом освещении было видно, что лицо появившегося из сумрака майора побледнело. В руке он держал вынутый из кобуры пистолет.

– Что случилось? – спросила она, чувствуя, как ей передается его испуг.

– Там что-то лежит. Кхм... Скорее, даже кто-то.

– Живой?

– Не думаю. Впрочем... Не знаю.

Они смотрели друг на друга, пока Наташа не зашипела на майора, не выдержав испытания неизвестностью:

– Так иди... – добавила крепкое слово, – Посмотри внимательно! Кто из нас мужик?

Вадим перещелкивал предохранитель пистолета из одного положения в другое, все еще не решаясь сдвинуться с места.

– Идем вместе! – подтолкнула его в спину, – И если оно уже уползло, я сама тебя убью...

Темное пятно на полу проявилось через дюжину шагов. Чем ближе они к нему подходили, тем объемнее оно становилось, превращаясь в вытянувшуюся, явно гуманоидную фигуру.

– Это человек? – Наташа прикрыла лицо рукой, опасаясь волны омерзительного запаха. Но тело пролежало здесь слишком долго, чтобы иссохший организм продолжал источать неприятные ароматы.

– Нет. Я бы не стал утверждать, что могу определить его расу, но это точно не человек.

Он пнул мумию ногой.

– Не трогай его, пожалуйста!

Майор убрал пистолет в кобуру. Присел на корточки, скривился, стал рассматривать гуманоида. Сейчас тело вряд ли было длиннее полутора метров, но при жизни существо могло иметь обычный человеческий рост. Руки ниже колен, с длинными пальцами, голова приплюснута с боков, с огромными глазами. Под левой рукой что-то, похожее на истлевшую ткань, превратившуюся в прямоугольную кучку пыли. А может, это была пачка бумаг.

– Не удивлюсь, если несчастный бродил здесь, руководствуясь твоими символами.

– Не моими.

– Все равно. Похоже, он не нашел выход, – мрачно резюмировал Вадим, – А это что такое...

Майор склонился над телом еще ниже.

– Что там?

– Может, у него такая анатомия, но я бы сказал, что в груди у этого парня пулевое отверстие.

– Его... убили?

Вадим пожал плечами.

– Если так, то интересно – кто убийца?

– Не хочу здесь задерживаться, – она отвернулась, – Пойдем дальше.

Чередующийся стук ботинок и легких туфель катился эхом далеко вперед. Майор и учительница не разговаривали, пока от безделья он не начал размышлять вслух.

– Вряд ли чужой – тот, который там лежит – один из создателей станции. Скорее всего он прилетел сюда, как и мы. Думаешь, там, в глубине, есть кто-то еще?

– Перестань. У меня и без того ощущение, что мы здесь не одни. Еще эти скрипы, стуки...

Наташа сглотнула. Она уже несколько часов старалась не думать о воде. И не столько из-за жажды, которая еще была терпима, сколько из-за страха перед мучительной смертью.

– У тебя есть часы?

Он посмотрел на экран смарт-браслета.

– Почти час ночи.

– Давай тормознем. Надо поспать. Сколько бы нам еще не оставалось, мы не можем идти без отдыха.

Вадим согласился и они стали устраиваться на ночлег. Легли на противоположных сторонах коридора, оставив между собой полтора метра демилитаризованной зоны. Было не настолько холодно, чтобы согревать друг друга телами. Впрочем, ночью Наташа проснулась от того, что из глубины тоннеля налетел слабый порыв холодного ветерка. Она решила, что ей почудилось, обняла себя руками и снова провалилась в сон.

– Я не хотела будить, но посмотрела на твои часы – уже почти одиннадцать, – Наташа отпустила его правую руку.

Вадим сел, зевнул, растирая глаза.

– Надо же! Давно не спал так долго. Видимо, организм наверстывает упущенное.

– Конечно. Обычно с утра аресты, потом допросы...

– Хватит! Не стоит начинать день с грязни.

– А у меня не слишком много причин относиться к жандармам с симпатией, – проворчала она, но ругаться больше не стала. Молча наблюдала за тем, как он проводит ревизию своей амуниции. Кроме кобуры с оружием у майора была еще маленькая аптечка, складной нож и портмоне с документами.

– Не густо, – прокомментировала Наташа, – А в аптечке что?

– Ничего, что можно было бы выпить, – ответил он, угадав ее мысли.

Она кивнула. Ей вдруг снова почудилось, что откуда-то повеяло холодом.

– Мы умрем?

Вадим встал, протянул руку, помогая подняться и Наташе. Потянул ее за собой, все дальше и дальше по коридору.

– Не сейчас, – попытался улыбаться Наташе, но не выдержал ее взгляда, отвернулся. И тут же замер, как вкопанный. Она налетела на него, чертыхнулась.

– Ты чего?!

Вадим смотрел на стену.

– Мы спали в пяти метрах от инопланетного информатория.

Девушка проследила за его взглядом и обомлела: вся стена, от пола до потолка, была занята знаками, символами...

– Сможешь прочитать?

Она подошла ближе. Надписи потеряли былую яркость, но все еще были хорошо видны. Наташа водила по ним рукой, беззвучно шевелила губами. Вадим отошел в сторону, чтобы не мешать. Сейчас он мог только ждать, полностью доверившись этой хрупкой учительнице литературы, потому что был уверен – другого шанса на спасение у них не будет.

Наконец она села на пол, выдохнула.

– Есть куда записать?

Майор достал портмоне, вынул из него шариковую ручку и свое удостоверение личности. Протянул ей, перевернув бумагу на другую сторону.

– Хм. Здесь герб жандармерии. Ничего, что... прямо по нему?

Вадим махнул рукой – “ничего”. Наташа долго перерисовывала знаки, смешно высовывая язык, время от времени вскакивая, чтобы разглядеть какие-то детали поближе. Закончив, отдала ручку майору, бумагу сложила вчетверо и сунула в карман.

– Первая новость – самая хорошая: думаю, теперь я смогу найти воду. Вторая похуже. Если прочитала правильно, то попасть из этого тоннеля в сердцевину можно только через камеру охлаждения и вентиляционный канал.

– Что за камера охлаждения?

– Ты думаешь я знаю?! Понятия не имею, как все это выглядит и сможем ли мы там пройти, – Наташа нервно тряхнула головой, – Ну и третье. Как бы это перевести... В общем, там написано что-то вроде “после первого проникновения чужим вход закрыт”.

Она с тоской посмотрела на майора. Понимала, что в случившемся ее вина. Не стоило без оглядки лезть в дебри инопланетной конструкции.

Часть 3

Чем дальше они шли по тоннелю, тем ниже опускалась температура: обещанная камера охлаждения была уже где-то близко. Вадим несколько раз оглядывался на спутницу, он понимал, что в легком платьице девушке все сложнее справиться с холодом, пробирающем до костей. Она ускорила шаг, потерла ладонями предплечья. Он ничем не мог ей помочь – форменные рубашка и брюки вряд ли согревали его сильнее, чем платье Наташу.

– А ты что, еще и лингвист? – Вадим попытался отвлечься, – Как научилась расшифровывать чужие языки?

– Я просто филолог. А научилась... сама. Можно сказать – хобби. Ну и способности кое-какие, любопытство.

– Теперь можешь прочитать все, что написано этими закорючками?

– Не все. Некоторые символы мне непонятны. Другие я могу расшифровать лишь приблизительно. Но те, что касаются направлений, схем – они довольно простые.

Вадим кивнул.

– И далеко нам еще до воды?

Девушка выдохнула облачко пара.

– Нет. Мы идем уже... Сколько? Часов шесть? Семь? На указателе было написано “идти пятьсот единиц”.

– Единиц чего?

– Это расстояние. Не метров, конечно, но и не километров. Там должна быть бойлерная или что-то вроде того. По крайней мере, я так поняла.

Скоро коридор расширился до большого квадратного помещения, по стенам которого змеилось множество труб. Некоторые из них уже подернулись ржавчиной, а две были покрыты конденсатом. Наташе стоило больших трудов сдержаться, чтобы не броситься их облизывать, собирая живительную влагу языком.

Майор нашел вентиль, ухватился за него обеими руками. С криком и ругательствами удалось повернуть его на несколько градусов. В трубе зашипело, забулькало, но из отверстия не пролилось ни капли.

– Дава-а-ай! – Вадим стиснул зубы, навалился, костяшки его пальцев побелели от напряжения. Непослушная железка скрипнула и провернулась сразу на целый оборот. Труба вдруг задрожала от напора хлынувшей воды! Отрегулировать его не получалось: поток или перекрывался совсем, или бил в противоположную стену с силой брандспойта, не давая возможности подставить лицо, напиться. Несколько секунд мужчина с девушкой смотрели на шипящую струю. Потом, не сговариваясь, упали на колени. Склонились к луже, растекающейся по полу.

Вода была холодной, с металлическим привкусом, но это не мешало им с жадностью заглатывать драгоценную жидкость, чувствуя, как она возвращает их к жизни. Вадим закрывал и открывал вентиль еще три раза, прежде чем они решили, что на этот раз хватит. Наташа перевела дух, посмотрела на свое промокшее платье. Ее била мелкая дрожь: она только сейчас вспомнила о морозном воздухе, который ощущала на тела костлявыми пальцами.

– Нужно снять одежду, отжать ее.

Майор согласился.

– Я пройду немного дальше...

– Нет! Давай больше не будем разделяться.

Он пожал плечами – “как скажешь”.

– Тогда я просто отвернусь.

Выжатая одежда не перестала быть влажной, но так она должна была высохнуть быстрее. Одевшись, Чернаков посмотрел на Наташу. Подошел, обнял ее. Она слабо сопротивлялась, но он сжал ее в объятиях еще сильнее.

– Дура! Ты что, думаешь я соскучился по женской ласке? Нам надо согреться!

Она перестала дергаться, невольно прильнув к серой жандармской форме. Почувствовала, как по сильному мужскому телу тоже пробегает дрожь. Обняла Вадима, уткнулась лицом ему в грудь. Они стояли так несколько минут, пока не почувствовали, что холод между их телами исчезает, вытесняемый человеческим теплом.

– Будет еще холоднее, – майор скорее констатировал факт, чем спрашивал.

– Наверное.

– Мы не дойдем, если сейчас двинемся дальше. Надо вернуться.

Она подняла голову, посмотрела ему в глаза.

– Вернуться? Куда? Ты же знаешь, попасть обратно на верхние уровни мы не сможем. Сил и так немного, мы ничего не ели больше суток. Ну хорошо, вернемся, согреемся. Но потом снова придется идти сюда, чтобы... чтобы попасть... – Наташа бессильно опустила руки, не в силах объяснить, ради чего они стараются, где могут оказаться в конце пути, – Нужно просто идти дальше. Сейчас. Пока можем.

Майор отстранился, оставив девушку одну. Погладил вентиль. Приглядевшись, заметил на нем множество отметин. “Похоже, не мы одни пользовались трубой. Интересно, сколько разных тварей пытались открыть кран? Чем они пользовались – руками, когтями, зубами?”.

Было жаль покидать источник: неизвестно, когда еще появится возможность напиться. Но и влить в себя про запас они не могли.

– Идем, – согласился майор.

Коридор, ведущий из бойлерной, не был таким же пустым, как тот, по которому они сюда пришли. Теперь вдоль правой стены тянулось несколько труб. Возможно, эти трубы, изолированные блестящими металлическими пластинами, служили когда-то радиаторами для обогрева тоннеля. Наташа успокаивала себя, представляя, будто внутри до сих пор раскаленный пар и она вот-вот почувствует тепло. Иногда даже казалось, что она и в самом деле его чувствует. Но лишь на секунду. Потом все возвращалось на круги своя: вокруг один лишь усиливающийся холод, сжимающий в ледяных щупальцах человеческие тела.

Майор долго не высказывал вслух сомнений, но каждый шаг, отдаляющий их от тепла и воды, отзывался в его душе раздражением и разочарованием. Да, возвращаться было поздно, и все же ему казалось, что он зря позволил девчонке уговорить себя продолжить путь. Может, возвращение и не спасло бы их. Но на какое-то время продлило бы им жизнь.

– Как это глупо.

– Что именно? – не поняла она.

– Все. В первую очередь поверить тебе. Нельзя было вообще отпускать тебя из под ареста. Капитан правильно делает, что считает таких, как ты, экстремистами.

Наташа фыркнула.

– Ну хорошо, я экстремистка. Потому что хотела для всех лучшей жизни. Не для себя, для всех двухсот тысяч. А ты кто такой? Вы все – капитан твой любимый, команда, жандармерия – кто вы такие?

Она вздрагивала одновременно от холода и возмущения.

– Разве можно, – продолжила Наташа тихим голосом, – Разве можно избивать на допросах пожилого человека, профессора, чтобы выбить из него признания в том, чего он не совершал?

– Ах, вот из-за чего ты взъерепенилась... Девчонка, много бы понимала! Иногда не стоит церемониться с меньшинством, ради спасения большинства.

Впереди показалось что-то темное. Вадим подумал, что это тупик, но потом разглядел, что трубы, тянувшиеся справа, изгибаются вместе со стеной. Майор и Наташа подошли к

повороту, выглянули из-за угла. В лица им повеяло таким холодом, что последние два часа путешествия показались чуть ли не прогулкой по теплой аллее.

Стены и потолок отдалились, освещение, исходившее теперь от видимых ламп, стало значительно ярче. Где-то наверху, из длинных, ребристых щелей в зал влетали хлопья снега.

– Камера охлаждения, – пробормотала Светлова.

Майор схватил ее за руку, потащил за собой, быстро, почти бегом.

– Надо пройти это место, пока мы не окочурились от холода!

Вадим не смотрел по сторонам, не оглядывался, он был сосредоточен лишь на одном – выйти из камеры живым, не упасть, не замерзнуть. Но девушка, которую жандарм продолжал держать за руку, успевала замечать некоторые детали. Вот справа мелькнул сугроб, очень напоминающий засыпанное снегом тело... Слева показались надписи, сделанные нетвердой рукой на неизвестном языке, не похожем даже на знаки создателей Станции... Еще один сугроб, поменьше...

Наташа запнулась, чуть не упала, но Вадим удержал ее, потащил дальше. Камера охлаждения казалась бесконечной! Губы у девушки посинели, она уже перестала чувствовать, как на плечи опускаются кристаллы замерзшей влаги. Ноги не хотели слушаться. “Сейчас бы упасть, отдохнуть... Хотя бы на пять минут... Или на одну...”.

Снова споткнулась. Майор остановился, посмотрел Наташе в лицо.

– Двигайся, чтоб тебя! Шевелись, дура, иначе брошу!

– Бросай.

Глаза ее почти закрылись, ноги стали совсем слабыми. Вадим ударил Наташу по щеке – один раз, другой. Не помогало. Она медленно оседала на холодный, заиндеветый пол. Майор выругался, подхватил девушку на руки. Побежал. От нагрузки его организм чуть разогрелся – не настолько, чтобы противостоять холоду, но достаточно для преодоления последней полусотни метров.

– Очнись! Эй! Давай же, приди в себя! Что я, зря тебя волок на себе?! Очнись же!

Веки учительницы приподнялись. Она посмотрела на Вадима. Моргнула.

– Мы вышли? – ее хриплый голос был едва слышен.

– Ф-фух... – майор с облегчением сел, не удостоив девушку ответом.

Наташа чувствовала, что там, где они сейчас находятся, значительно теплее. Руки и ноги болели, в них словно впились тысячи иголок. Она поморщилась.

– Больно.

Майор взглянул на нее, потом стал оглядываться по сторонам. Подошел к трубам, завернутым в металл, попытался подцепить рукой один лист, другой... Вскрикнул, порезавшись, но тут же с удвоенным усердием принялся отковыривать, тянуть, выдирать.

– Да! Есть! – блестящий кусок полетел на пол, на его месте показался охватывающий трубу утеплитель. Вадим с остервенением принялся отрывать мягкий материал, складывая из него подобие лежанки. Выдрал еще один квадрат металлической обшивки, потом еще один, и еще. Доставал из под них утеплитель, похожий одновременно на войлок и поролон. Стал укрывать им Наташу. Лег рядом, прижался теснее, накидывая утеплитель и на себя.

– Ничего, боль пройдет. Сейчас мы согреемся. Будет тепло. Отдохнем, а уж завтра... Завтра дальше... В сказочный мир. Правда? – закрыл глаза, выпустив изо рта белое облачко.

Наташе снилась толпа. Она посреди тысяч людей, идущих в разных направлениях, каждый своей дорогой. Люди толкаются, пихают друг друга локтями, но все успевают бросить на нее взгляд – презрительный, осуждающий. Мужчины, женщины, дети, старики. В каждом взгляде немой укор и она словно слышит чужие мысли: “могла спасти всех... спасла только себя... лучший мир только для одной себя...”. Еще мгновение и толпа стала отдаляться, оставляя Наташу одну. Люди исчезали во мраке, среди переплетения силовых кабелей и канализационных труб верхнего яруса. А за спиной учительницы разгорался рассвет, щебетали птицы, дул свежий ветерок. И кто-то тянул ее, туда, к теплему солнечному свету.

“Идем! Оставь их, нам пора”. Ладонь, сжимающая ее пальцы, показалась девушке жесткой, неудобной. Она опустила взгляд и увидела трехпалую когтистую руку.

Наташа вскрикнула, открыла глаза. Вокруг нее холодные стены железного коридора. Тусклый свет невидимых ламп позволял увидеть трубы, с которых частично была содрана обшивка. Девушка приподнялась, заметила Вадима. Он лежал рядом, тесно прижавшись к ней, сжимая своей пятерней ее ладонь. Девушка отдернула руку. На какое-то мгновение ей показалось, что майор умер. Она хотела вскочить, отпрыгнуть в сторону, но... нашла в себе силы и смелость наклониться, приблизиться к самому его лицу. Она почувствовала дыхание, размеренное, спокойное. Вадим крепко спал.

Она вдруг вспомнила их ссору, потом выход в камеру охлаждения... Дальше – смутно – как он нес ее на руках. Наконец – еще более неразборчиво – боль и что-то теплое, сверху, рядом...

– Ты меня спас?

Чернаков застонал, потянулся. Приоткрыл глаза.

– Привет. Уже проснулась?

Она кивнула. Майор сел, посмотрел на смарт-браслет. Присвистнул.

– Ого! Мы проспали пять часов. Как ты? Руки-ноги не болят?

Отрицательно помотала головой.

– А чего молчишь? – он улыбнулся.

Смутившись, Наташа отвела взгляд.

– Спасибо. За вчерашнее.

Вадим улыбнулся еще шире, кивнул.

– Ты говорила, что после камеры надо идти через какой-то вентиляционный канал.

– Да. А мы далеко ушли от камеры?

– Ушли? Ну, кто-то ушел, а кого-то на руках унесли.

Она смутилась еще больше.

– Да ладно тебе. Я все понимаю. С полкилометра, наверное.

Наташа достала бумажку с перерисованными знаками, развернула ее. Некоторое время разглядывала, потом сказала:

– Нам придется вернуться. Вход в канал сразу после камеры охлаждения.

Вадим посерьезнел, нервно передернул плечами.

– Что ж, не могу сказать, что меня это радует, но... вернуться так вернуться!

Искать вход долго не пришлось: он был обозначен большим, четко прорисованным символом. Если бы Наталья не отключилась от холода, она бы, несомненно, заметила его еще вчера. Канал был темный и узкий, по такому только ползком, друг за другом. Но был у него и несомненный плюс: из темного чрева веяло теплым воздухом.

– Ну что... Лезем? – майор приготовился протискиваться в квадратный лаз.

– Лезем.

– Я первый?

Девушка оглянулась на видимый отсюда вход в морозильник. Поежилась.

– Нет. Знаешь, давай лучше я первая.

– Уверена? Ну, как скажешь.

Наташа легко нырнула в темноту – ее узкие плечи и хрупкая фигурка никак этому не препятствовали. Позади она услышала сопение Вадима, которому было сложнее. Впрочем, он тоже сумел проникнуть в канал и пополз вслед за учительницей. Разглядеть что либо впереди себя девушка не могла, двигалась вслепую.

У колонистов, путешествующих в замкнутом пространстве космического корабля, редко встречается клаустрофобия. Но даже для таких людей передвижение по узкому и темному лазу, выход из которого может быть на каком угодно расстоянии от входа, это испытание не из легких. Наташа изо всех сил старалась не думать о том, что справа и слева ее жизненное

пространство ограничено близкими стенками, руками и ногами она упирается в пол, а голову едва ли можно поднять сантиметров на двадцать – упрешься в потолок. К тому же, быстро выяснилось, что внутри канала полно не то пыли, не то сажи, сильно затрудняющей дыхание. Несколько раз Наташа и Вадим чихали, потом он попросил ее остановиться. Наощупь достал из аптечки две медицинские маски: защита не ахти какая, но лучше, чем ничего. Они двинулись дальше. Пару раз им пришлось поворачивать, потом долго ползти прямо.

– Чернаков, ты шумишь, как паровоз! – пыталась пошутить Наташа.

– Я не знаю, что такое паровоз, но думаю, что шумишь как раз ты.

Они оба замерли. Шуршание не прекратилось, оно догоняло их сзади.

– Какого черта...

Внутри канала вдруг оглушительно грохнул выстрел, осветив все вспышкой. Майор заметил, что выстрелили метрах в пятнадцати позади него. Пуля взвизгнула, пару раз от ricoшетила от стен и, чудом не задев Чернакова и учительницу, пролетела дальше. Вадим тут же вытащил свой пистолет, щелкнул предохранителем, дернул затвор. Он сделал четыре выстрела в ответ, каждый из которых сопровождался наташиными взвизгиваниями. Остановился, прислушиваясь. Кажется, в глубине канала слышалось чье-то рычание, переходящее в хрип и бульканье.

– Добей его, майор! Добей это!

Но прежде, чем он успел снова нажать на спусковой крючок, с той стороны выстрелили снова.

– Ох, йо...

– Вадим! Ты слышишь меня?! Вадим! Эй! Ты ранен?

– М-м...

Сама не понимая – как, девушка умудрилась развернуться. Где-то хрустнули суставы, потянулись до боли связки, но она сделала это. Подползла к майору, дернула его за рубашку, подтягивая ближе к себе. Нащупала брошенный пистолет и, не сомневаясь ни секунды, отправила в темноту все, что оставалось в обойме.

Наступила звенящая тишина.

– Вадик... Не молчи, пожалуйста!

Часть 4

Майор не отзывался. Кажется, он был без сознания. Наташа стала осторожно ощупывать его, сверху вниз – шею, грудь... На правом бедре ее рука ткнулась в теплое, влажное. Девушка не могла этого видеть, но была уверена, что ладонь испачкана красным. Пол под Вадимом тоже становился влажным, липким.

Наташа вытянулась во мраке воздушного канала, вцепилась в подол платья: послышался треск рвущейся ткани. Светлова оторвала широкую полосу, снова потянулась к Вадиму. Руки у нее тряслись, но она сумела перевязать его ногу выше того места, где, как предполагала, было ранение. Затянула тугим узлом.

– Вот так... А теперь мы двинемся дальше! – снова ухватила майора за рубашку, потянула за собой. Один раз, другой. Остановилась перевести дыхание, – И не вздумай сдохнуть, сукин ты сын!

К счастью, лишь повороты были самыми сложными препятствиями для движения, да и те попадались нечасто. Канал не поднимался вверх, не было спусков. Но это не облегчало стоящую перед Наташей задачу. С каждым метром тащить тело взрослого мужика по узкому лазу, пусть и сделанному из гладкого металла, становилось все тяжелее и тяжелее. Вадим по-прежнему был без сознания: наверное, он потерял много крови. Наташа боялась, что пуля попала в артерию, но точно знать этого не могла. Пару раз ей казалось, что она волочит уже

мертвое тело, тогда девушка останавливалась, прикладывала пальцы к шее майора. Нащупав слабый пульс, продолжала упрямо тащить его дальше.

– Что ж ты такой тяжелый...

Она понятия не имела – сколько метров или километров нужно преодолеть. Осилит ли она их? Даже если бросить Вадима, сможет ли сама добраться до цели? И что там, в конце пути? Наташа гнала от себя эти мысли. Продолжала ползти в темноте воздушного канала, все дальше и дальше. Полметра вперед, схватить, подтянуть, еще полметра, снова схватить, подтянуть...

Их никто не преследовал. Во время передышек она прислушивалась, поворачиваясь к жерлу тоннеля то одним ухом, то другим. Но слышала лишь собственное тяжелое дыхание. “Наверное, я убила эту тварь!”.

От постоянного трения ее локти, ладони, колени и бедра покрылись ссадинами, синяками. Наташа не замечала этого, продолжала тащить майора. В какой-то момент она решила, что начались галлюцинации – от голода, переутомления, нервного истощения, или от всего сразу: сквозь помятую медицинскую маску, едва защищавшую от пыли, в легкие вдруг попал глоток свежего, прохладного воздуха. И вроде бы даже запахло чем-то давно забытым, чего не было даже на корабле, а только в далеком детстве Наташи, прожитом на кислородной планете. Она повернула голову, посмотрела вперед. Там, где должен был быть мрак уходящего вдаль канала, что-то светилось слабым, мертвенно-бледным сиянием. Лампа?

Из последних сил девушка рванулась к источнику света, увлекая за собой Вадима. Но не смогла. Дыхание сбилось, руки ослабли. Наташа не могла больше тащить его. Из глаз потекли слезы обиды: ведь осталось совсем немного!

– Я сейчас... Сейчас вернусь за тобой. Только проверю – что там... И вернусь.

Дальше она поползла одна. Свет приближался. Осталось десять метров... Пять... Один... Светлова вывалилась из тоннеля на что-то мягкое. С минуту лежала, не в силах пошевелиться, не пытаясь открыть глаза. Даже если ее сейчас окружают все монстры галактики – плевать!

Растрепанные волосы пошевелил ветерок. Наташа провела рукой по мягкому покрывалу, на котором лежала. “Трава?”. Открыла глаза, посмотрела на небо. “Небо?!”. Лунный свет разливался по лесной опушке, окруженной деревьями. Девушка села.

– Чтоб тебя... Я нашла ее! Нашла эту чертову центральную часть!

Не было никаких сомнений, что Луна – это не Луна, а весь мир, который она освещает, не поверхность планеты, он вывернут наизнанку, размазан по стенкам полого шара. Но лес, трава, ночной воздух, подгоняемый ветром – все это настоящее! Наташа с трудом поднялась на ноги, сделала несколько неуверенных шагов по направлению к ближайшему дереву. Прикоснулась рукой, погладив шершавую кору.

– Настоящее.

Посмотрела вверх. Пришлось ухватиться за ствол обеими руками, потому что голова вдруг закружилась. Горизонт со всех сторон плавно изгибался вверх, словно, куда бы она ни пошла, ей везде пришлось бы идти в гору. В зените можно было разглядеть противоположную сторону этого мира, подернутую сизой дымкой.

Наташа вдруг опомнилась, кинулась к чернеющему лазу, пролезла внутрь. Непроглядная темнота снова обступила ее со всех сторон. Светлова продвигалась вперед, шарила вокруг руками, ей казалось, что она оставила Вадима где-то здесь, но его все не было и не было. Она запаниковала, решила, что его кто-то утащил, или он сам пришел в сознание и сдуру попятился в обратную сторону. Но в этот момент рука нащупала мягкие волосы, измятую рубашку на плечах. Наташа вздохнула с облегчением.

Через минуту она уже вытянула майора из пыльного канала, уложила на траву. Учительница имела лишь поверхностные медицинские навыки, но беглый осмотр при свете луны дал понять, что артерия не задета, а пуля прошла на вылет. Наташа извлекла из

жандармской аптечки эластичный бинт, антисептические салфетки. Разорвала промокшую от крови штанину, распутала узел, связанный из обрывка своего платья. Как смогла, обработала рану, наложила повязку. Она надеялась, что кровообращение в ноге восстановится. Ничего больше для Чернакова она сделать не могла, по крайней мере сейчас.

Оглядевшись по сторонам, Наташа решила, что среди такого обилия зелени обязательно должны быть источники воды: озера, реки, хотя бы ручейки. Принести воду было не в чем, но она могла найти ее, напиться сама, а потом перетащить Вадима. Постояв в нерешительности посреди поляны, девушка наклонилась к раненому, выудила пистолет, сунутый впопыхах за ремень. Вспомнила, что он пустой. Стала обшаривать карманы на брюках и почти сразу наткнулась на то, что искала: два запасных магазина. Провозившись с минуту смогла перезарядить оружие. Хотела снять с Вадима ремень и кобуру, чтобы надеть их на себя, но решила, что проще нести пистолет в руке.

– Извини, тебе он ни к чему. А мне может пригодится. Мало ли что...

Наташа вздохнула, медленно подошла к деревьям, окружавшим поляну. “Что ж, выбраться в центральную часть станции мы смогли, но что дальше? Что меня ждет в незнакомом лесу? Выживет ли майор и... есть ли смысл возвращаться к нему? Она обернулась. Потом решительно раздвинула ветки и углубилась в чащу.

* * *

Преимуществом вывернутого мира было то, что с любой возвышенности ты мог определить – куда идти дальше. Поднимающийся со всех сторон горизонт, если его можно так называть, позволял увидеть границы леса, а днем еще и другие детали местности. Большую речку или озеро наверняка можно будет разглядеть, нужно лишь дожждаться восхода.

Наташа бросила взгляд на иссиня-белый источник света, заменяющий здесь Луну. Она понятия не имела, когда включится Солнце. И с чего она вообще взяла, что Солнце появится?

– Ерунда! Конечно появится. Без тепла и света здесь ничего бы не выросло, – пыталась она себя успокоить.

До сих пор лес жил лишь в ее далеких воспоминаниях. Последний раз такое количество деревьев окружало Наташу лет двадцать назад. Но она знала, что здесь у нее есть шанс найти еду – ягоды, грибы, какую-нибудь живность. Была, правда, и обратная сторона медали: далеко не все, что росло в лесу, съедобно, а некоторые звери могли и сами посчитать девушку добычей. Следовало быть осторожной.

Время от времени она смотрела по сторонам, стараясь зафиксировать взглядом ориентиры: справа лесной массив вздымается выступом, границы которого напоминают конскую голову; слева – светлые пятна холмов и полей; впереди что-то сверкает, отражая лунный свет – наверное, озеро, но слишком далеко, чтобы рассчитывать быстро туда добраться; сзади, нацелившись вершинами почти на Светлову, пряталась среди рваных облаков горная гряда.

Идти было легко. Свет просачивался сквозь кроны деревьев, лесная подстилка ровная, сухая, без бурелома. И все-таки Наташа чувствовала, что ей не по себе. Слишком холодное сияние окрашивало траву и деревья в стальной цвет, игра теней то и дело щекотала ей нервы, пугая девушку возможным присутствием животных. Пистолет, зажатый в руке, не придавал уверенности. Наоборот – Наташе казалось, что, сделай она хоть один выстрел, как все твари чужого леса тут же сбегутся к ней.

Она замерла, насторожившись. Где-то в стороне послышалось журчание. Сменила направление, ускорила шаг. Не прошло и пяти минут, как лес расступился и Наташа чуть не рухнула с высокого берега в ручей. Присела на корточки, прыгнула вниз. Вода скрыла ноги по щиколотку, замочив туфли.

– Ух, какая холодная!

Но воздух был теплый и девушка не боялась замерзнуть. Она зачерпнула ладошкой прозрачной жидкости, осторожно попробовала: никаких посторонних привкусов. “А, была не была!”. Зачерпнула еще, уже смелее, потом еще, и еще. Напившись, забралась обратно на берег и в изнеможении растянулась на земле. “Надо вернуться, притащить сюда майора. Только передохну... Одну минутку...”. Глаза ее закрылись и Наташа, не сумев совладать с усталостью, провалилась в сон.

* * *

Проснулась она от ощущения, что рядом кто-то есть. Вскочила, выставив перед собой пистолет. В глаза ей светили яркие солнечные лучи, иногда перекрываемые листвой. Наталья огляделась – никого. “Приснилось? Почудилось?”. Она сделала шаг и обо что-то споткнулась: у самых ног лежала холщовая сумка. Девушка еще раз обвела взглядом окружающий ее лес. Посмотрела на сумку. “Откуда это здесь?”.

– Эй! Кто тут?

Лес хранил молчание: лишь ветерок покачивал ветки, да птицы весело щебетали над головой, будто насмехаясь над гостьей. Она наклонилась. Осторожно приподняла дулом пистолета край грубой ткани. Внутри было два бумажных свертка – один побольше, другой поменьше. Ткнула пистолетом сначала в один, потом в другой. Взяла в руки тот, что поменьше. Развернула.

Внутри был пневматический шприц – Наташа видела такие в медчасти, еще на корабле. Рядом лежали запечатанные в пластик сменные иглы и пять ампул с антибиотиком. Это как раз то, что она вчера искала в аптечке майора, но что в ее состав, увы, не входило. Девушка долго смотрела на обретенное богатство, ничего не понимая. Прежде, чем развернуть большой сверток, она несколько раз вставала, ходила взад-вперед, отодвигая ветки, заглядывая в кусты. Никого. Ни следов, ни намека на чье-либо присутствие.

– Спасибо! – крикнула в пустоту, не надеясь особо, что ее благодарность дойдет до таинственного благодетеля.

Взялась за второй сверток. Но еще до того, как развернула, поняла – что там. От него исходил такой безумно вкусный аромат, что у Наташи на мгновение закружилась голова! “Хлеб!”. В бумагу были завернуты две большие лепешки, еще теплые, испеченные из пшеничной муки.

Она не сдержалась – впилась зубами в пахучую мякоть, оторвала здоровенный кусок, с остервенением пережевывая. Чуть не подавившись, прыгнула в ручей, стала зачерпывать воду, чтобы запить. Наташе стоило огромных усилий заставить себя не есть все, она умяла лишь половину одной лепешки. Остальное аккуратно завернула и положила обратно в сумку, которую перекинула через плечо.

– Спасибо, – сказала еще раз, но уже тихо.

Учительница нашла майора после целого часа блужданий по лесу. Днем, при свете солнца, все ориентиры утратили знакомые очертания и казались не тем, чем были ночью. Но она все-таки вышла к поляне с чернеющим отверстием вентиляционного канала.

Вадим лежал на том же месте. Он был жив, но сильно побледнел и все еще не пришел в сознание. Бинт на его бедре покраснел. Не теряя времени, Наташа вколола сразу две ампулы. Раньше она никогда этим не занималась, но обстоятельства придали ей решимости: воткнула иглу в ногу майора, не сомневаясь ни секунды.

Она не могла ни накормить его, ни напоить. Антибиотик сделает свое дело, но организму нужны силы для борьбы за жизнь. И тогда Наташа снова потащила его. Хватая за многострадальную, во многих местах уже изорванную рубашку. Туда, в сторону ручья, где

вода и, возможно, еще чья-то помощь. Ругаясь на себя, на лес, на майора и заодно на капитана со всем его экипажем и жандармерией.

Пот заливал ей глаза, мышцы болели от напряжения. На полпути Наташа рухнула на землю, отпустив Чернакова. Лежала долго, закрыв глаза, подставив лицо неизвестному источнику света, который в этом мире неплохо заменял собой солнце. Грудь ее часто вздымалась. Через какое-то время дыхание восстановилось, сердцебиение успокоилось. Она села, достала из сумки половину лепешки. Съела ее, сдерживая слезы обиды и жалости к самой себе. Потщила майора дальше.

Солнце не клонилось к закату, оно просто стало бледнеть, оставаясь в том же месте, где ночью светила луна. Наташа приволокла тяжелую ношу к самому краю полутораметрового обрыва, за которым журчал быстрый, холодный поток. Спустилась, напилась сама, потом стала думать, как напоить Вадима. Последний час он тихо стонал и девушка посчитала это хорошим знаком.

Она долго искала на себе чистый кусок платья, который можно оторвать. Некогда крепкая, добротная одежда, в которой она раньше даже вела занятия в школе, сейчас превратилась в обрывки грязного тряпья. Оторвав сравнительно чистый лоскут, девушка смочила его в воде. Приложила к губам Вадима, приоткрыла ему рот. Стала выдавливать по капле. Пришлось несколько раз спускаться к ручью, чтобы выпить хотя бы пару стаканов.

Наташе по-прежнему хотелось есть, но она не знала – получится ли в ближайшее время раздобыть пищу, захочет ли ей снова помочь неизвестный, подкинувший сумку с лепешками. Нет, хлеб надо было сберечь. Ведь если майор очнется, ему понадобится еда, даже больше, чем самой Наташе.

Чтобы отвлечься от голода, она стала думать о таинственном незнакомце. Кто он? Человек? Тогда почему не показался? Ведь она бы его не обидела. Впрочем, если он наблюдал за ней, то мог заметить в руках оружие.

Девушка села у берега ручья, задремала. Лишь когда ночная прохлада коснулась ее, она решила лечь рядом с майором, прижавшись к нему теснее. Обняла, посмотрела на небо. Луна действительно появилась там же, где днем было солнце: видимо, для них использовался один и тот же источник света, меняющий яркость, цвет и тепловыделение. Сегодня ночное светило горело чуть бледнее, чем вчера. В лунном свете деревья, стоявшие вокруг кольцом, казались еще более мрачными, и нельзя было поручиться, что в размытых, темных пятнах ты видишь именно то, что там находится на самом деле.

Слабый отсвет на листьях вырвал Наташу из полудремы. Она приподняла голову, прислушалась. Когда хотела лечь обратно, желтоватый блик снова мелькнул среди деревьев. Она вскочила на ноги. Долго смотрела, ожидая новых вспышек. Не дождавшись, двинулась туда, где, как ей показалось, она их заметила. Раздвигая кусты, девушка осторожно пробиралась через лес, всматривалась в темноту. И вот в просвете между веток снова мелькнул трепещущий, желтый огонек! Вцепившись в него взглядом, Наташа быстро сокращала разделяющее их расстояние. Послышался слабый треск. Теперь она уже видела пляшущие языки пламени. Костер!

Остановилась метрах в десяти, не решаясь выйти из укрытия – скрывающих ее деревьев. Рядом с костром никого не было. Она стояла в ожидании, надеясь, что с минуты на минуту появится тот, кто разжег огонь, и кто, возможно, помог сегодня ей и Вадиму. Но прошло пять минут, десять, двадцать... Рядом с костром лежали какие-то вещи. Она пыталась разглядеть – что это, но на таком расстоянии огонь только мешал, он был слишком ярк в ночном лесу.

Наташа не выдержала: оглядываясь по сторонам, осторожно вышла из-за деревьев. Дошла почти до самого огня, влекомая светом, словно мотылек. Остановилась. По спине у нее пробежали мурашки. Теперь ее отлично видно всякому, кто посмотрит со стороны. Зато она вблизи костра не видит ничего.

– Пришла? Одна? Молодец.

Часть 5

Обернулась. Никого не разглядеть в темноте, даже не поняла – с какой стороны звучал голос. Затравленно оглядываясь, Наташа попятилась к спасительным зарослям.

– Постой, – снова прозвучало в ночи. Слева, из-за дерева, появилась фигура. Кто-то подошел ближе к огню, чтобы она могла разглядеть его.

Незнакомый мужчина. Человек – и то хорошо. Лицо обветренное, с морщинками у глаз, темная борода с проседью. Плечи широкие, почти как у майора, но возрастом явно постарше. Одет хорошо, будто ему только что прислали армейскую экипировку. На поясе ножны, скрывающие клинок, способный проткнуть насквозь двух таких девчонок, как она.

– Кто вы?

Мужчина улыбнулся, присел на ствол поваленного дерева, поближе к костру. Поворошил угли палкой.

– Это вы принесли нам еду и лекарства?

Бородатый кивнул.

– Садись, – указал ей на место рядом с собой, – Погрейся. У меня тут еще две рыбехи дожариваются, поделюсь.

Только сейчас Наташа заметила, что рядом с огнем шкворчат нанизанные на прут рыбины. Не отрывая от них взгляд, она обошла костер, почувствовала запах, от которого заурчало в животе. Заставила себя сесть на то же дерево, рядом с незнакомцем, оставив, впрочем, между ними расстояние с полметра.

– Все-таки – кто вы?

Мужчина аккуратно снял рыбу с прута, уложил ее на приготовленный кусок древесной коры. Протянул Наташе.

– Меня зовут Фолкор. Я здесь живу. Ну, не в лесу, конечно, а вообще – в этом мире. Внутри станции. Ты ешь, пока горячее.

Девушка стала ковырять рыбу пальцами – обжигаясь, пачкаясь жиром. Осторожно положила кусочек мяса в рот, разжевала... И потом уже не могла остановиться: терзала легко отделяющиеся мясные звенья, запихивала их в рот. Костей, кроме хребта, почти не было, вкус рыбы казался ей восхитительным!

Фолкор по-прежнему улыбался. Когда она закончила, положил ей вторую тушку.

– А вы? – Наташа посмотрела на мужчину, потом на еду. Ей отчаянно хотелось съесть еще.

– Я не слишком голоден, не переживай.

Благодарно кивнув, она за несколько минут уничтожила большую часть и второй рыбины. Насытившись, перевела дух, стыдливо посмотрела на перепачканные ладони.

– Сейчас, – Фолкор достал откуда-то фляжку, – Подставляй, я полью.

Вымыла руки, запила еду той же водой – бородатый уверял, что она из чистого ручья.

– Силы есть? Сможешь пройти со мной километров пять?

– Э-э... – Наташа в нерешительности посмотрела туда, откуда пришла, где во мраке леса лежал раненый Вадим, – Смогу. Но я не одна.

– Знаю. Утром мы вернемся за твоим парнем. Ты же не хочешь тащить его на руках? Ну вот. И я не горю желанием. А дома у меня есть кое что... Спodrучнее будет.

– Он не мой... парень, – пробормотала Наташа, но, подумав еще минуту, согласилась.

Когда свет в небе сменился с холодного белого на нежно-розовый, они вышли из леса. Вокруг простиралась поля. На некоторых были заметны клочки обработанной земли, всходящие посева. А вдалеке, на расстоянии километра, показался аккуратный домик с хозяйственными пристройками.

– Давно здесь живете?

Фолкор пожал плечами.

– Пожалуй. Так давно, что кажется, будто здесь и родился.

– А как попали на станцию? Авария на корабле?

Бородач будто не слышал вопроса, он внимательно оглядывался, проверяя свои владения. Наташа не стала переспрашивать: кто его знает, что случилось с этим человеком. Может, ему тяжело вспоминать о былом.

– Вы здесь совсем один?

Он все-таки отвлекся от созерцания местности, посмотрел на Наташу.

– Ну... Как один... Во-первых, скотина кой-какая есть. Куры там, овцы. А во-вторых... И на верхних уровнях, и здесь, внутри, встречаются бродяги.

– Люди?

Он усмехнулся.

– Если бы. Не только люди. Всякие существа – страшные, смешные. Есть безобидные, а есть и... опасные. Ведь станции тысячи, если не миллионы лет! Сколько она тварей насобирала за это время – никто не знает.

Наташа нахмурилась.

– Да ты не бойся! – похлопал ее по плечу, – Станция огромная. В ее масштабах шанс встретиться с кем-то не так уж велик. Я тут за многие годы всякое повидал, но до тебя и твоего парня последний раз с разумными существами встречался года три назад, если память не изменяет.

Они подошли к высокой ограде, отнесенной от дома на добрую сотню метров. Ряды сколоченных жердей уходили направо и налево, охватывая с двух сторон обширный двор.

– Постой тут. Я сейчас, – Фолкор открыл хитрый замок, толкнул калитку.

Наташа глядела вслед, пока он не скрылся за сараями. Потом обернулась к темной полосе леса. Девушке ужасно не хотелось возвращаться! Она смертельно устала, ноги ее гудели, ныли многочисленные ссадины. Хотелось войти в этот красивый, уютный дом, найти там кровать, пусть даже не самую мягкую, упасть на нее и забыться сном.

Солнце над головой разгоралось, становилось светлее и теплее. Наташа вздохнула, опустила взгляд.

– Мамочки мои!

Она ужаснулась состоянию своей одежды. Платье давно перестало прикрывать ее, но если в темном лесу девушка игнорировала это, то здесь – перед незнакомым мужчиной, при свете утреннего солнца...

– Проходи.

Повернулась, инстинктивно прикрываясь руками. Фолкор, видимо, понял ее смущение, крикнул, не стал разглядывать.

– Идем в дом.

Закрыл на замок калитку, обогнал Наташу, чтобы не смотреть ей в спину. Они прошли по едва заметной тропинке, ведущей к самому крыльцу, поднялись по ступенькам. Учительница проследовала за хозяином, остановилась в просторной прихожей. Она прикрыла глаза, втянула в себя воздух, наполненный ароматами дерева, дыма, домашней еды. Где-то в глубине ее души шевельнулось даже не воспоминание, но чувство, ощущение: таким и должен быть дом!

Внутри чисто, ухоженно. Видно, что хозяин – даром что жил один – порядок поддерживал. Мебель, правда, немногочисленна и весьма разношерстна. В гостиной, вход в которую был рядом с прихожей, Наташа увидела два дивана: один не слишком широкий, обтянутый потрескавшейся кожей – такой мог когда-то стоять в приемной офиса. Другой побольше, скрытый цветастой накидкой, поверх нее набросано множество подушек – этот, пожалуй, домашний.

Она прошла по коридору, заглянула в кухню. Разномастные шкафчики, понизу идущие на одном уровне, верхушками выстроившиеся неровным забором. Посреди кухни стол, один стул рядом, остальные три – тоже разномастные – у стены.

– Иди сюда, – пригласил ее хозяин.

Провел в спальню, указал на шкаф.

– Там кой какая одежда есть. Все мужское, но штаны и рубашу подберешь, я думаю. Да не сейчас, дуреха!

Он усмехнулся, видя, с каким воодушевлением Наташа кинулась искать себе одежду.

– Ты сейчас лучше ляг, отдохни. Я пока чай согрею, – хотел уже выйти из комнаты, но обернулся, увидел в наташиных глазах сомнения, – Плохого не думай, просто сымай это рванье и залезай под одеяло – постель чистая. Чай тебе сюда принесу. А сам... Сам за парнем пойду.

– Как же вы его один?

– Я же сказал – есть у меня помощник. Платформа на антигравитационной подушке. На ней и привезу.

Через несколько минут Фолкор вернулся, но Наташа уже спала. Он поставил чашку с чаем на тумбочку, присел на край скрипнувшей кровати. Сквозь сон девушка еще чувствовала, как по ее волосам ласково прошла ладонь. Светлова не отреагировала, ей уже было все равно.

– Даже не спросил, как зовут...

* * *

Она проспала чуть меньше суток. Когда открыла глаза, ей показалось, что встреча с таинственным отшельником была лишь сном. Вокруг темно, точно как в лесу. Может это и есть лес? Приподнялась, услышала под собой скрип пружин, откинула одеяло. Нет, все было на самом деле! Она у него дома.

Опустила ноги на пол, не торопясь, стараясь привыкнуть к темноте. Теперь уже могла различить квадрат зашторенного окна, полоску тусклого света под дверь. Подошла, повернула ручку, приоткрыла. В коридоре, на прибитом к стене подсвечнике, горела свеча. Наташа осторожно вышла из спальни, заглянула в гостиную. Тоже темно, но ей показалось, что на диване кто-то лежит. Рядом стоял металлический шест с крючками, вроде вешалки, к дивану от него тянулись провода. Она приблизилась, разглядывая конструкцию.

“Это же капельница”. Присела на корточки.

– Вадим! – ей показалось, что она вскрикнула, но на самом деле смогла лишь прошептать.

Погладила майора по лицу, волосам, инстинктивно проверила пульс. Сердцебиение ровное, прощупывалось хорошо. В темноте вдруг блеснули его глаза.

– Вот же ты упрямая, Наташка.

Хотел поднять руку, чтобы обнять девушку, но она не позволила.

– Лежи, лежи! – нагнулась, сама осторожно обняла его.

– Ведь нашла-таки свою центральную часть.

Улыбнулась, кивнув.

– А меня дед какой-то сюда приволок. Черт побери, я с ним чуть не подрался. Только в себя пришел, смотрю – кругом кусты, деревья, – он сглотнул, дал себе передышку в несколько секунд, потом продолжил, – И тебя рядом нет. Зато он появляется! Если бы не нога...

– Извини. Я не хотела тебя оставлять. Честно! Но так устала, что не могла идти назад, в лес. А Фолкор пообещал привезти тебя на платформе. И я поверила ему.

– Ничего, я все понимаю. Все... понимаю... – он снова закрыл глаза, проваливаясь в забытие.

Наташа долго сидела рядом, разглядывая черты его лица, стараясь понять, почему человек, который еще несколько дней назад был ее врагом, мог ударить ее на допросе и отправить за решетку, сейчас ей дороже всего на свете. Потому что он вынес ее тогда, из камеры охлаждения? Или из-за того, что она потом вытащила его, раненого?

Поднялась, прошлепала босыми ногами по коридору. Отперла дверь на улицу. В лицо подул свежий ветерок. Девушка спустилась по ступенькам крыльца, подняла голову, подставляя лицо бледному свету луны, которое снова скоро превратится в солнце.

– Ты что творишь?

Ее дернули за руку, втаскивая обратно в дом, так, что она едва не споткнулась. Фолкор закрыл дверь, щелкнул замком.

– Что творишь, говорю? Чудо в перьях!

– Что я такого сделала? – недоумевала Наташа.

– Там эдеркопы, я их ночью во двор выпускаю.

– Эдер... кто?

– Ну, твари такие, размером с собаку, только видом больше на пауков похожи. Меня они слушаются, но на тебя и напасть могли.

Она покосилась на запертую дверь. Потом вдруг вспомнила, что вышла из комнаты в одном нижнем белье.

– Ой... – побежала в спальню.

* * *

Жизнь потихоньку налаживалась. Один день сменялся другим, Вадим медленно, но верно, шел на поправку, Наташа втягивалась в домашние заботы, помогая Фолкору по хозяйству. Девушка быстро привыкла к бородатому отшельнику, прикипела к нему всей душой, даже несмотря на его грубоватые манеры. Он был ей словно отец. Вечерами она любила слушать его рассказы о том, что Фолкору довелось пережить в сердцеvine станции. Не рассказывал он лишь о том, каким образом здесь оказался.

Вадим же напротив, относился к хозяину дома с подозрением. Пусть тот и помог им, а Чернакова так и вовсе спас от смерти, но майор не мог заставить себя раскрыть душу этому человеку. Он мало с ним общался, но контролировал каждый его шаг, особенно когда тот был рядом с Наташей.

Светлова с женской непосредственностью стала наводить в доме порядки. Первое время Фолкор сопротивлялся, потом махнул рукой – “пусть делает, как знает, упрямая девчонка!”. Она переставила мебель не только в гостиной и спальне, но и под крышей, на мансарде, где теперь обитал хозяин. Вынесла кучу вещей, которые, как ей казалось, “только место занимали”.

– Давай уберем это в подвал? Фолк, ты где? Слышишь меня?

Он вышел из кухни со стаканом молока и белыми каплями на бороде.

– Не надо в подвал, я же говорил, что...

– Знаю, знаю! Говорил он... Покрась свою поросль на лице, будешь Синей Бородой. Помнишь сказку? Тот тоже в своем замке не пускал в подвал.

– Просто не надо туда соваться, это мое... ххм... место уединения. Если хочешь убрать барахло, давай перенесем в сарай.

– В сарай так в сарай.

Она вошла на кухню, села за стол, тоже налила себе в стакан парного.

– Слушай, Фолк. Вот ты давно здесь, и про нору знал, из которой мы с Вадимом вылезли.

– И что? – он вытер бороду полотенцем.

– А есть другие ходы? Может, какие-нибудь приведут обратно, на верхние уровни?

– Хм. Может и есть. А зачем?

Она посмотрела на него, словно на непонятливого ученика. Терпеливо пояснила:

– Затем, чтобы попасть обратно.

– Тебе здесь плохо?

– О-о! – девушка демонстративно закатила глаза, – Фолкор, ты же меня понимаешь.

Здесь прекрасный, замечательный мир, а там люди стараются выжить в таких условиях, что подумать страшно!

Он сжал челюсти, мотнул головой.

– Много вас?

– Много, – призналась она, – И я знаю, о чем ты думаешь. Пусть там жандармы, аресты, запреты... Вся человеческая глупость и злоба. Но бросить мы их не можем, правда?

Она терпеливо ждала, в то время как Фолкор своим молчанием красноречиво давал понять, что лично он запросто бросит людей верхних уровней на произвол судьбы.

– Я не могу их бросить, – твердо сказала Наташа, – Я учитель, а не солдат и не политик. И своих детей учила не тому, что каждый сам за себя. Понимаешь?

– Кто тебе сказал, наивная, что ваше командование хочет изменений к лучшему? Да они тебя к стенке сразу же поставят. В общем... Таких мест, чтобы обратно пробраться, на верхние уровни, я не знаю, – Фолкор решил поменять тему разговора, – Сегодня отправляюсь на дальнее пастбище. Хочешь со мной?

Наташа все еще сидела насупившись, молчала.

– Если тебя майор, конечно, отпустит.

Она вскочила, отодвинув стул.

– Мне не нужно ничье разрешение! – сверкнула глазами, – Идем!

Вместе прошли к длинному амбару, построенному в самом углу территории, огороженной забором. До сих пор Наташе не доводилось заходить в это строение. Фолкор поднял засов, раскрыл ворота. Внутри, среди множества сложенных штабелями аккумуляторных батарей, инструментов и прочего металлического хлама, рядом стояли пять легких флайеров.

– Ох, ни фиги себе... Вот это богатство! Где взял?

Довольный произведенным эффектом, хозяин поглаживал бока машин, проверял готовность к полету.

– В центральной части и не такое можно найти. Думаю, их притащили сюда те, кто первыми осваивали станцию – скорее всего люди. Работоспособная техника время от времени попадает, если поискать, и в большинстве своем это машины, созданные для нас – прямоходящих, с двумя руками и ногами.

– Первыми осваивали? Я видела надписи создателей станции, там, в тоннелях. В одном месте было написано “после первого проникновения чужим вход закрыт”. Что это значит, как думаешь?

Он пожал плечами.

– Полетим на этом, – открыл дверцу флайера, – Полностью заряжен, конструкция не изношена. Садись!

Когда-то Наташа летала на похожих машинах, но было это так давно, что организм успел отвыкнуть от ощущений полета. При отрыве от земли у нее невольно перехватило дыхание.

– У-у-ух! Здорово!

Машина круто пошла вверх, потом накренилась, ложась на курс, и, наконец, стремительно заскользила над изгибающейся поверхностью в выбранном направлении. Было странно видеть, как земля впереди норовит подняться вверх, будто они все время летят на гору. Но автоматика флайера поддерживала постоянную высоту, да и изгиб поверхности был не столь велик – внутренний мир станции действительно огромен!

Они медленно огибали солнце, светившее в окна машины слева. Пожалуй, чтобы полностью облететь внутреннюю часть им понадобилось бы часа три, не меньше! Наташа во

все глаза смотрела вниз, вверх, по сторонам... Если на обычной планете облака плывут в одной плоскости, пусть и на разной высоте, то внутри огромного шара они клубились как хотели, попадая во власть то одного воздушного потока, то другого. На земле сверкали блюдца озер, русла рек. Иногда Наташе казалось, что она видит какие-то строения, но, скорее всего, это были лишь скалы, в лучшем случае – древние развалины.

Вдруг из-за белесой дымки показалась величественная конструкция, взмывающая над поверхностью, опирающаяся на множество арочных пролетов.

– Ой, что это?

Фолкор мельком глянул на сооружение.

– Мост.

– Мост?

– Да. С одного конца станции на другой. Не знаю, кто его построил, может создатели, а может первые поселенцы. Он соединял северный и южный континенты.

– Соединял?

– Сейчас его центральная часть разрушена.

Флайер стал снижаться. Наташа увидела белые точки на огромном зеленом поле, окруженном со всех сторон водой. Точки превратились в овец и стадо разбежалось, как только машина опустилась на траву. Смолкли двигатели.

– А почему мост разрушен? – спросила девушка, выбираясь на свежий воздух.

– Лет двадцать назад здесь жили два племени. Не совсем люди, но похожи – гуманоиды. Я с ними почти не общался, но, как говорится, следил за ситуацией. Одно племя обосновалось на северном континенте, другое на южном. Между континентами широкий канал, поэтому и мост был построен. В самой высокой части он на несколько километров поднимался.

Фолкор отлавливал овец одну за другой, внимательно осматривал, ощупывал.

– Так вот эти два племени что-то между собой не поделили и началась у них война. К счастью, оружие было так себе – ни бомб, ни ракет, одно стрелковое. Но им и этого хватило. А потом все-таки раздобыли где-то или сделали из подручных средств взрывчатку, заложили на мосту в нескольких местах. Знала бы ты, какой грохот стоял, когда рвануло!

Он остановился, посмотрел в небо. Возможно, туда, где раньше был центральный пролет моста.

– Самое хреновое то, что взрывом множество осколков выбросило в атмосферу, где искусственная гравитация сходит на нет. Я боялся, что они повредят солнце. Но обошлось – какие-то сгорели, другие со временем вниз упали.

– А с племенами что стало?

– Да черт их поймет. Видел, что те немногие, кто после войны оставался в живых на северном континенте, собрались и ушли. Возможно, обратно, на юг, изначально-то они оттуда явились. Там у них был проход, с внешних уровней... Переправились, поди, через канал, да и объединились с выжившими южанами. А может и нет. Не могу сказать, потому что с тех пор я об этих племенах ничего не слышал.

Ночью Наташа на цыпочках пробралась в гостиную, к майору. Тот уже спал, но она настойчиво потрясла его за плечо, разбудила.

– Что? Случилось чего?

Она приложила палец к губам.

– Тсс! Тихо.

Смотрела ему в глаза, потом поцеловала.

– Я ухожу.

– Куда? Ты о чем вообще?! – он привстал, сморщившись от боли в ноге.

– Вадик, я знаю, ты бы ни за что не отпустил меня одну, но с тобой я не смогу идти.

Он вдруг понял, куда она собралась. Обреченно выдохнул.

– Наверх? Узнала у старика, где пройти?

Отрицательно покачала головой.

– Сказал, что не знает. Но проговорился о других, которые попали внутрь с той стороны станции, южной. Я хочу слетать туда, проверить. Фолк против, поэтому не хочу ему ничего говорить.

– Да чтоб тебя, я тоже против! Ты знаешь, что там будет? С чем ты можешь столкнуться по дороге?

Улыбнулась.

– Вряд ли меня теперь можно напугать. Весь страх остался там, в тоннелях. В лесу. А еще раньше – на корабле, в ту ночь, когда все думали, что умрем. Теперь я уже ничего не боюсь. И не могу сидеть сложа руки.

Вадим сжал кулаки, хрустнул пальцами.

– Наши... Капитан и команда не выпустят людей с верхних уровней. Их мир там. Ты ничего не сможешь сделать, даже если найдешь проход.

Он увидел в ее глазах уже знакомый блеск.

– Я знаю людей, которые мне помогут. Да, мы просто сборище гражданских. Безоружных и, чаще всего, трусливых. Но мы сможем, если захотим! И нас больше. Нас, черт побери, почти двести тысяч!

Часть 6

Фолкор распахнул дверь в гостиную, зло посмотрел на майора.

– Где она?

– Кто?

– Не придуривайся, парень! Девчонка где?

Чернаков пожал плечами.

– Может, огурцы пошла поливать. Или козу подоить. Я ей не хозяин.

– Идиот... И баба твоя тоже... Дура, – старик сплюнул, вышел из комнаты.

Пристегнул пояс с патронами, снял с вешалки ружье, проверил – заряжено ли. По пути к сараю тихо ворчал: “Она думает, что можно сбежать. Как же. Отсюда не убежишь”. Внутри деревянной постройки замер на несколько секунд, угрюмо посмотрел на то место, где еще вчера стоял самый работоспособный флайер.

– Ничего, мы можем и на другом. Мы не гордые.

Вадим встал с дивана, доковылял по коридору до выхода из дома. Присев на ступеньки крыльца, он наблюдал за выплывающим из сарая флайером. Чихнув двигателем, машина плавно пошла вверх, уменьшившись в размерах до жирного жука, потом до маленькой точки, пока совсем не скрылась из виду.

– Лети, лети, старый пень.

Майор осторожно потрогал повязку на ноге, поморщился. “Да, еще недели две, а то и больше, я не боец. Ну ничего, мне есть чем заняться”.

Он встал, направился обратно в дом. У лестницы, ведущей наверх, в покои Фолкора, остановился. Под лестничным пролетом была дверца, за которой, как предполагал Вадим, должен быть спуск в подвал. “Почему старик никого туда не пускает? Что у него за секрет?”. Вадим нажал на ручку. Скрипнули петли и дверь на удивление легко открылась – ни тебе хитрых замков, ни даже простой щеколды. Лестница вниз оказалась крутой и не деревянной, как ведущая на мансарду, а из бетонных блоков.

Вадим посмотрел вокруг, но не обнаружил выключателя. Да и была ли здесь лампочка? Хозяину она, пожалуй, ни к чему, он эти ступеньки хорошо знает, а чужакам... Чернаков бы не удивился, если бы узнал, что крутизна ступенек и мрак нужны как раз для того, чтобы чужаку легче было сломать шею. Он осторожно двинулся вниз, надеясь, что старик вернется не скоро...

Фолкор летел уже час, внимательно рассматривая землю внизу. Отвлекаясь на мгновение, проверил – не работает ли на украденном летуне маячок? Но девчонка, видно, была не промах: сигнал отсутствовал. Да и не удивительно, у этих примитивных гражданских флайеров все на виду. Если не хочешь, чтобы тебя отследили, то найти маячок и отключить его не составит труда, справился бы даже ребенок.

– Куда ты полетела, детка? О, я знаю...

Он заложил плавный вираж, направил машину к югу. Вскоре показалась широкая полоса канала, бликующая солнечными лучами. Фолкор снизил скорость, уменьшил высоту. Он размышлял о том, как поступил бы на месте Наташи. Приземлиться и идти дальше пешком? Или лететь дальше? Но ведь она не знает – куда именно ей нужно, только основное направление, на юг, по ту сторону канала. Она ищет ход на верхние уровни, а это не какая-нибудь огромная пещера, сверху можно и не заметить. Логичнее было бы сесть и продолжить идти пешком. Его машина вдруг дернулась, провалилась на несколько метров, теряя высоту.

– Ах, черт бы тебя побрал, развалюха ты старая!

Но антигравитационная подушка уже снова работала, гироскопы помогли выровнять полет. И, прежде, чем подняться выше, Фолкор успел заметить внизу, между деревьев, блеск металла! Пожалуй, он пролетел бы мимо, если бы не случайный провал. Сделав круг, старик разглядел и помятые кроны деревьев, сквозь которые совершил посадку летательный аппарат. Фолкор не рискнул повторять его подвиг, нашел неподалеку поляну и приземлился там.

Выпрыгнул из флайера, скинул с плеча ружье. Огляделся, прислушиваясь. Тихо. Двинулся к месту посадки. Это была не его территория, опасность могла подстергать в любом месте и Фолкор не собирался рисковать, пусть даже ему пришлось бы отступить, бросить беглянку на произвол судьбы. Остановился, размышляя. Оглянулся на машину, еще видневшуюся сквозь ветки кустов. "Нет, девчонка нужна мне!". Он продолжил путь.

Похищенный Натальей флайер замер, уткнувшись носом в ствол дерева, накренившись на правый борт. Лобовое стекло разбилось, засыпав траву мелкими осколками. Фолкор обошел его кругом, заглянул внутрь. Пусто.

* * *

Она упрямо шла вперед, хотя понятия не имела – правильно ли выбрано направление, стоило ли вообще покидать дом, не совершила ли она ошибку, оставив Вадима и Фолкора. "Прости, я разбила твою лучшую машину, но иначе никак. Нельзя было и дальше бездействовать! Нужно хотя бы попытаться. Должны быть другие ходы наверх! Ничего, ничего... Кто ищет, тот всегда найдет".

Когда Наташа летела на флайере, она видела впереди горную грядку. Конечно, это были не те горы, которые можно встретить на Земле или другой планете, но ориентир хороший и она использовала его, чтобы придерживаться выбранного направления.

Несколько раз ей приходилось переходить ручьи и небольшие речушки, но глубина в них была небольшой, а теплый ветерок быстро сушил одежду. Два раза она останавливалась, чтобы перекусить. К вечеру горы уже поднялись перед ней стеной и Наташа стала подумывать о ночлеге.

Разожгла костер, сняла ботинки, вытягивая уставшие ноги. Достала из сумки еще немного еды. Она решила, что если за неделю не обнаружит никаких признаков прохода на верхние уровни, ей придется вернуться. Для этого нужно будет переправляться через канал и девушка понятия не имела – как это сделать. "Связать плот? А я смогу?". Следовало бы быть предусмотрительнее, но, черт побери, как вообще в этом мире можно что-то предусмотреть?!

Свет над головой уже сменился с оранжево-красного на белый. Ночь опустилась на лес. Наташа сама не заметила, как задремала, уронив голову на мягкий мох. Костер какое-то время еще горел, потом языки пламени погасли, оставив лишь кучку остывающих углей.

Кто-то будил ее. Осторожно трогал за руку, что-то говорил. Девушка поежилась – ночная прохлада проникла под одежду. Открыла глаза. Над ней склонилось существо, лишь отдаленно напоминающее человека: большие желтые глаза, маленький, приплюснутый нос, на голове никаких волос, зато ушные раковины раза в два больше, чем у людей.

Наташа вскрикнула, попыталась отпрыгнуть в сторону и наткнулась на еще одного ушастого. Рывком выхватила чернаковский пистолет, направив ствол на ближайшего пришельца. Ее ударили сзади по затылку. Ноги стали ватными, земля вздыбилась, опрокидываясь на девушку. Почувствовав прикосновение к щеке влажной травы, она потеряла сознание.

Сколько прошло времени – Наташа не взялась бы предположить. Может, час. А может и десять. Когда она подняла веки, сверху на землю уже проливался дневной свет. Голова болела, девушка со стоном попыталась встать, но поняла, что руки связаны за спиной.

Ее услышали, подошли. Не слишком аккуратно поставили на ноги, придерживая с двух сторон.

– Идешь с нами.

Подтолкнули, заставляя идти вперед.

– Как будто у меня есть выбор, – она оглядывалась, стараясь рассмотреть напавших на нее существ.

При свете дня было видно, что кожа у них имеет зеленоватый оттенок, что для жизни в лесу – очевидный плюс. Из одежды на существах лишь набедренные повязки, сделанные из длинных листьев. Шедший впереди держал в руке длинный, заостренный шест, двое других, идущих справа и слева, были вооружены луками и стрелами.

Наташа не сразу сообразила, что к ней обратились на интернациональном – языке, используемом гражданами Федерации. Но в той, прошлой жизни, когда можно было полистать каталоги и энциклопедии, она ни разу не встречала подобных существ. Откуда они знают язык? Выучили у других людей?

Ее вели прямо к горной гряде. Наташа усмехнулась: если бы не разбудили и не долбанули по голове, сейчас бы сама пришла той же дорогой.

– Попить дайте.

Идущий впереди обернулся, молча снял с пояса фляжку, сделанную из большого ореха. Они остановились, к губам девушки прижали емкость, из которой полилась живительная влага. Вдоволь напиться не дали, снова подтолкнули в спину, заставляя идти.

– Может скажете, что вам от меня надо?

Конвоиры молчали. Тот, что впереди, ответил, не оборачиваясь:

– Иди. Дома решать будем.

– Имейте в виду – меня ищут! Много людей и все они вооружены!

Похоже, это заявление не произвело на них впечатления. Через пару часов Наташа почувствовала едва уловимый запах дыма. К этому времени они уже приблизились к подножию гор и теперь обходили большой каменный выступ, чтобы через пару минут оказаться в долине, окруженной со всех сторон скалами. Ведущий стал взбираться наверх. Девушка быстро поняла, что они идут не просто по камням – несмотря на хаотичность их расположения, ноги почти все время попадали туда, куда нужно, словно они шли по ступенькам. Что за причина заставила их так маскироваться, чтобы даже по лестнице невозможно было понять, что здесь кто-то живет?

Наташа оступилась. Руками она балансировать не могла и неминуемо бы упала, но двое сзади подхватили, помогли устоять на месте.

– Спасибо. Хотя было бы проще развязать мне руки. Ну, или сразу шмякнуть головой о камень, чтоб не растягивать удовольствие.

Скривилась, вспомнив о головной боли, которая за это время несколько не утихла – она лишь терялась на фоне переживаний за будущее. Неожиданно подъем закончился. Наташу вывели на террасу, окруженную с одной стороны невысоким бордюром, а с другой – возвышающейся скалой и разросшимся у ее подножия кустарником. Один из конвойных аккуратно отодвинул ветки, демонстрируя вход в пещеру, через который можно было пройти только по одному, да и то пригнув голову.

Внутри их ждали другие зеленокожие, вооруженные луками и копьями: десять, может пятнадцать – Наташа не стала считать. Все они с удивлением и плохо скрываемой тревогой смотрели на пленницу. Ее повели дальше. Пещера раздвинулась, разделилась на множество ходов – маленьких, больших. Уже был слышен гомон голосов, отчетливее стал ощущаться запах дыма и еды. Похоже, ее привели в пещерную деревню.

Еще немного и вот перед ней появился огромный зал, стены которого закруглялись, образуя гигантский колодец, а потолок... Потолка не было. На высоте нескольких десятков метров виднелся выход наружу – отверстие, через которое проникал дневной свет. В центре зала отбрасывал блики поверхностью воды небольшой бассейн. Как раз в этот момент рядом с ним стояли три женщины, они набирали воду в деревянные ведра. Одежды на них было не больше, чем на мужчинах.

Наташу направили в тоннель, ведущий из зала. Внутри оказалась перегородка – холщовый полог. Его отодвинули, пропустили девушку вперед. Еще одна пещера. На стенах несколько мерцающих светильников, на полу тихо потрескивающий очаг. В дальнем углу, в плетеном кресле, сидел зеленокожий с медальоном на шее. Внешность его красноречиво говорила о том, что существо прожило на свете немало лет. Казалось, он спит.

Ведущий конвоя тихо подошел к нему, преклонил колена.

– Светлый йохтая...

Тот махнул ладонью, прерывая конвойного.

– Сюда ее. Ближе.

Ее подвели. Наташа заметила, что глаза его не закрыты, он смотрел на девушку сквозь едва приоткрытые щелки.

– Развяжите. И оставьте нас.

– Но светлый...

– Ты сомневаешься во мне, Сотури?

Тот склонил голову, извиняясь. Выполнил приказ и попятился назад, жестом выгоняя из пещеры и двух других воинов.

– Садись, – приказал носитель медальона.

Она осмотрелась, не увидела ничего, кроме коврика, брошенного на пол, села на него, сложив ноги по-турецки.

– Слушай, как тебя там... Йохти...

– Это титул. Светлый йохтая. А имя – Таркеин. Я здесь главный, это мой народ, если ты еще не поняла. И я пока не разрешал тебе разговаривать.

Она развела руками, покачала головой – “хорошо, буду ждать разрешения”. Удовлетворенный Таркеин крякнул, сел в кресле поудобнее.

– Откуда пришла?

– С севера. Если вы вообще знаете, где здесь север, где юг.

– Не дерзи. Я не так глуп, женщина, как тебе кажется. Думаешь, если мы живем в пещерах и стреляем из луков, то слабы умом?

– Ничего такого я не хотела сказать, – тихо пробормотала она.

– Откуда с севера? Точнее.

Наташа вздохнула.

– Вообще я с верхних уровней, если вам это... Кхм. Мда. Ну а на севере жила с Фолкором, в его доме.

Ей показалось, что щелки йохтаевских глаз чуть расширились.

– Я не собиралась никого тревожить, просто ваши вояки разбудили меня, напугали, вот я и... схватилась за пистолет. А, в общем-то, мне просто нужно найти вход на верхние уровни и все. Я уйду и не буду вас беспокоить.

– Это потом решим, – Таркеин задумчиво пошамкал, – Север гиблое место. Родина демонов. Не знаю, кто такой Фолкор, но я бы на его месте убирался оттуда.

Он вдруг вскочил, неожиданно резво для своих лет, подошел к девушке. Ухватив ее за подбородок, заставил подняться. Наташе такая бесцеремонность была неприятна, но она не стала лезть на рожон, позволила осмотреть себя, даже ощупать.

– Ты не похожа на демона.

– Я тоже так думаю. Можно спросить?

Он сел обратно в кресло.

– Можно.

– Фолкор рассказывал, что на юге проживало племя, которое воевало с северными соседями. Потом они взорвали мост и куда-то ушли. Он это, наверное, про вас говорил?

Таркеин погладил подбородок, снова прищурился так, что едва был виден блеск желтых зрачков.

– Странная история. Полуправда. Зачем твоему Фолкору рассказывать не всю правду? Да, мы взорвали мост. Не от того, что воевали с соседями. Мы с северными сородичами жили в мире. Но пришел Темный Человек, привел армию демонов и уничтожил северян. Уничтожил бы и нас, но мы отступили, спрятались.

На лбу вождя проступили складки, он о чем-то напряженно размышлял.

– На севере один живет? Этот Фолкор?

Наташа неуверенно пожала плечами.

– Да, кажется.

Еще мгновение светлый йохтая сомневался, потом сжал кулаки.

– Это он. Он – Темный Человек!

Часть 7

Дверь была из стали. Гладкой, полированной стали, которая приятно холодила ладонь. Вадим ощупывал поверхность, стараясь найти хоть какую-то зацепку, намек на ручку или кнопку. Тщетно – казалось, что это просто вмурованный в стену кусок металла.

– Должна же ты как-то открываться, зараза!

С досады он ударил преграду кулаком. Никакого эффекта. “Что там, в подвале? Садовый инструмент? Слесарная мастерская? Зачем старику такие меры предосторожности?”

Сверху послышался шум. Вадим насторожился. Скрипнула дверь, половицы в коридоре проминались под тяжелыми шагами. “Ах, черт! Фолкор вернулся”. Чернаков быстро, насколько позволяла раненая нога, поднялся по лестнице. Замер у закрытой деревянной двери. Хозяин дома прошел мимо. “Один. Значит, не нашел Наташку. Так ему и надо”. Вадим ухмыльнулся, проскользнул в коридор, а затем в гостиную.

Он понимал, что оказался в весьма незавидном положении. Старик – тип более чем странный, подозрительный. Никакого доверия у майора он не вызывал. Но все, что было вокруг, принадлежало Фолкору и формально Вадим от него зависел. По крайней мере до тех пор, пока не поправится и не сможет уйти вслед за учительницей. Закрадывалась крамольная мысль: “а не покончить ли с ним?”. Вадима останавливало лишь то, что Наташа относилась к Фолкору с доверием. Она бы ему этого не простила.

Старик нес воду с колодца, когда заметил, что майор сидит на крыльце и пытается поменять повязку. Посмотрел искоса на чужака. Остановился.

– Эдак ты долго будешь заматывать. Дай-ка я...

Вадим сомневался мгновение, но все же уступил, позволил хозяину дома взять марлю и аккуратно перебинтовать ему ногу.

– Спасибо.

Фолкор отмахнулся, взял ведро, пошел дальше.

Вечером он выволок из сарая сразу три флайера, намереваясь, видимо, из нескольких нерабочих машин сделать одну рабочую. Долго ходил вокруг, что-то ворчал себе под нос. Потом решился – снял внешние панели с самого плохонького летуна. Майор подошел ближе. Он не был специалистом по такой технике, но чувствовал, что разбирается в ней лучше. Старик обернулся, нахмурил брови: что мол, стоишь за спиной, работать мешаешь?

– Я могу подсказать.

Фолкор поднялся, вытер лоб грязной рукой.

– Ну... Давай, подскажи, раз знаешь.

До ночи они возились с машинами, сумели на одной восстановить большую часть функций, но остальную работу оставили на завтра – от лунного света толку мало, а они еще и не ужинали.

Фолкор накрыл на стол, выставил разогретую картошку с курятиной, порезал хлеб. Ели они молча. Вадим раздумывал: не спросить ли напрямик – что там, в подвале? Но решил не проявлять свой интерес слишком явно.

Утром хозяин доделал флайер и улетел. Его не было почти весь день и на следующее утро он снова вылетел на поиски, потом снова и снова... “Что ты к ней привязался?! Ну ушла девчонка и ушла! Хочет она вернуться на верхние уровни, зачем ей мешать?”. Вслух Вадим, конечно, ничего не сказал. В отсутствие старика он сам уже мало-помалу управлялся по хозяйству, втягивался в однообразную, но, по правде говоря, куда более приятную жизнь, чем там, среди труб и кабелей, где едва сводили концы с концами двести тысяч его соплеменников.

Когда Вадим и Фолкор восстанавливали летуна, майор видел, что в амбаре складировано множество старой техники, всевозможных запчастей. Порывшись, он обнаружил там коробку с коммуникаторами. Там же лежало несколько зарядных устройств. Чернаков привел в чувство несколько устройств, протестировал их. Одно забрал себе. Он еще не знал, что можно с ним сделать – обкатывал эту мысль весь день, до возвращения хозяина. И только ночью, когда он уже лежал в кровати и глаза его слипались, неожиданная догадка вдруг заставила Вадима вскочить. “Камера! В коммуникаторе есть камера!”.

На следующий день он разжился фонариком, снова спустился по подвальной лестнице. Тщательно осмотревшись, нашел в стене, среди каменной кладки, небольшую щель. Пришлось поработать отверткой, чтобы в нишу поместился комм. Вадим отошел, любуясь проделанной работой. К счастью, устройство было серого цвета, оно сливалось с камнями, а объектив камеры едва ли превосходил размерами булавоочную головку, заметить его можно было только приглядевшись. “На сколько хватит заряда? А памяти?”. Следовало бы проверить, но майору не терпелось испытать шпионское оборудование и он включил коммуникатор в тот же день, незадолго до того, как, по его расчетам, должен был вернуться старик.

* * *

Наташа сразу поняла, что отношение к ней изменилось. В глазах вождя сверкнула неприкрытая злоба. Похоже, он считал девушку пособницей Фолкора, которого почему-то называл Темным Человеком.

– Слушайте, это недоразумение! Вы его или с кем-то путаете, или... Я не знаю. Но Фолкор – хороший человек. Он бы никогда ничего плохого...

– Замолчи! – прошипел Таркеин.

Поняла, что он готов ударить ее. И вряд ли она может дать сдачи светлому йохтаю, если надеется выбраться из пещер живой. Виногато опустила взгляд, замолчала. Вождь ударил железкой в обрезок рельса и в пещеру тут же вбежали двое конвойных.

Ее вели вниз, вглубь скалы, заставляя петлять по таким запутанным, извилистым переходам, что сама она вряд ли найдет обратный путь. Втолкнули в каменный мешок, освещаемый одной свечой, привалили узкий вход валуном. Она слышала, что на страже остался стоять по меньшей мере один из воинов.

В пещере было прохладно и сыро. Наташа отыскала на полу сухой пяточок, где можно было сесть, поджала ноги, обняла себя руками. С трудом удержалась от того, чтобы не разреветься.

Ее держали в пещере несколько дней. Кормили плохо, воду приходилось собирать в ладони, прислоняя к сочащимся каплями стенам. Несколько раз Наташа срывалась на крик, требовала, чтобы ее проводили к вождю, но добилась лишь того, что один из воинов все-таки отвесил ей оплеуху. Перестав закатывать истерики, девушка погрузилась в тягостное молчание, отрешившись от злой действительности, не надеясь на спасение.

Когда воин принес очередную порцию жидкого, безвкусного супа, Наташа тихо сказала:

– Темный Человек придет за вами. Со всей армией демонов. И только я знаю – когда. И как его остановить. Передай это Таркеину.

При упоминании Темного Человека воин вздрогнул. Глаза его расширились, он попятился к выходу из пещеры. Через час Наташу уже вели наверх, к большому залу-колодцу с бассейном и круглым отверстием вместо потолка, а потом и в покои светлого. Таркеин посмотрел на нее все так же злобно и в этот раз не позволил охране оставить их наедине.

– Что ты там говорила, чужестранка? А? Что знаешь про Темного? Отвечай!

Она не обращала на него внимания – смотрела на поднос с остатками обильного обеда. Все-таки заставила себя отвлечься, поднять взгляд.

– Он знает, где я, – голос ее звучал совсем тихо, но, отражаясь от стен, долетал до ушей каждого, кто был в пещере. Наташа сделала маленький шаг вперед, – Знает и чувствует все, что со мной происходит.

Еще один маленький шаг. Кривая ухмылка на бледном, осунувшемся лице.

– Жестокостью воздаст каждому, нанесшему мне обиду...

Она сделала еще один шаг и вождь не выдержал, закричал:

– Остановите ее!

Воины бросились к девушке, оттащили подальше. Поставили на колени, но и сами с опаской отошли в стороны, выставив заостренные пики.

– Хорошо! Хорошо, женщина Темного Человека! Мы не будем тебя обижать!

– Просто отпустите меня. Отпустите и я все забуду, уйду далеко, очень далеко. Вы знаете, как можно покинуть этот мир? Попасть в другой, тот, что лежит между этим и бесконечным космосом? Отпустите, покажите выход и я уйду! Оставляю вас в покое.

Хитрый вождь прищурился. Страх еще был виден в его глазах, но это не мешало ему думать, принимать решение.

– Мы не будем обижать тебя. И отпустим. Наверное. Когда-нибудь. Не сейчас.

Наташа зарычала от злости, но в бок ей тут же ткнули острым, заставляя притихнуть.

– Будешь так же свободна, как каждый из нас, – продолжал Таркеин, – Я дам тебе чистую и сухую пещеру, совсем рядом с небесным оком. Но всюду тебя будет сопровождать Ванхемпи, мой старший сын. И ты расскажешь мне все – слышишь, женщина – все, что знаешь о Темном Человеке!

В душе у Натальи по прежнему бурлила злоба на упрямых дикарей, но она решила, что поступила правильно. Кивнула головой. Пусть так. Зато теперь у нее будет возможность подумать о том, как улизнуть из лап пещерной компании!

Сын светлого йохтая сошел бы за красавца даже среди людей, несмотря на то, что у него большие уши, приплюснутый нос и вытаращенные желтые глаза. “Ерунда! Ко всему привыкаешь. Вот и мне они уже не кажутся такими чужими и отвратительными, как при первой встрече. А уж Ванхемпи... Чего греха таить – ладно сложенный, мускулистый парень”.

На правой руке он носил красную повязку: надо полагать, признак королевских кровей. Ванхемпи показал Наташе ее новое жилище. Оказывается, колодец, образующийся над круглым залом с бассейном, был испещрен множеством других входов в пещеры, словно это были птичьи норки на крутом утесе. Здесь жила племенная знать. Большое отверстие в сводчатом потолке, которое называли небесным оком, давало им редкую привилегию жить при дневном свете. И никого не смущало то, что вверх и вниз приходилось ходить по узким лесенкам, выдолбленным прямо в стене, придерживаясь за веревки из древесных волокон.

Ванхемпи строго выполнял волю отца, неотступно следуя за землянкой. Даже внутри своей пещеры она могла уединиться лишь на ночь. Но девушка привыкла и к этому. Тем более, что внимательные, настороженные взгляды и без того следовали за ней повсюду. В племени знали, кто она такая, чужестранку побаивались.

Вождь приказал ходить ей в той же одежде, что и остальные. Было непросто расстаться с джинсами и рубашкой, а тем более с нижним бельем, оставив на себе лишь набедренную повязку, но Наташа справилась и с этим, следуя мимо инопланетных мужчин с гордо поднятой головой, не пытаясь прикрываться.

– Откуда вы знаете наш язык? – спросила она как-то у Ванхемпи.

Поначалу он мало с ней общался, старался сохранить дистанцию, но любопытная, говорливая девушка не оставила парня равнодушным. Не успел заметить, как через неделю уже болтал с ней, словно с давней знакомой.

– Ваш язык? – искренне удивился он.

– Ну да. Вы же говорите на интернациональном – это основной язык общения в Федерации.

Ванхемпи пожал плечами, ничего не ответил, но на следующий день пришел сияющий, довольный новыми знаниями.

– Отец рассказал мне!

– О чем?

– Про наш... ваш язык.

– Ах это! Я уж и забыла.

– Да, у нас был свой и некоторые старейшины до сих пор его знают. Мой отец тоже знает. Но когда племя попало сюда...

– В пещеры?

– Нет-нет, в этот мир.

– А, во внутреннюю часть станции.

– Да, – он тряхнул головой, – Нет! Еще раньше. Когда только из космоса высадились, много-много поколений назад.

Наташа прислушалась внимательнее, хотя виду не подавала, продолжая плести корзинку.

– И вы нашли проход внутрь? Ясно. А при чем здесь язык?

– Кто-то высаживался и до нас. Мы нашли чужой корабль, потому что наш был сильно поврежден. Очень большой корабль! Улететь на нем было нельзя, но жить можно. Сначала племя жило в нем, там все было на интрец... иртен...

– На интернациональном?

– Да. Много надписей, видео, книг. Очень простой язык, быстро его выучили. А потом дети на нем говорили больше, чем на родном. Но старейшины не препятствовали – уже здесь, внутри, мы тоже встречали слова на интернациональном, это помогало.

– А такие круглые закорючки видели?

– Круглые?

– Да. Ну, вот такие, – Наташа попыталась в воздухе изобразить символы основателей станции.

– Не знаю, про такие мне ничего не рассказывали.

– Про такие? – она обвела рукой вокруг его лица, – Или такие?

Коснулась пальцем приплюснутого носа. Оба рассмеялись. Наташа видела блеск в его глазах, знакомый и одновременно чужой, волнующий, заставляющий отвечать взглядом с такими же волнительными искорками.

– Старший сын! – в пещеру заглянул воин, – Светлый йохтая вызывает к себе.

Ванхемпи вскочил.

– Останешься с ней, – он уже хотел выйти, но воин добавил:

– И ее тоже вызывает.

Вождь сидел на прежнем месте, в своей пещере, вход в которую вел из зала с бассейном. Он бросил взгляд на вошедших, указал на место перед собой. К сыну больше не повернулся, все его внимание было сосредоточено на Наташе.

– Я думал про тебя. И принял решение.

Девушка напряглась.

– Ты – женщина Темного Человека. И ты призналась, что его силы могут дотянуться до тебя. Думаю, ты сама часть его сил. Правильно?

Наташа молчала. Таркеин улыбнулся, посчитав это подтверждением своей правоты.

– И если он почувствует, что потерял тебя, он станет слабее!

Внутри у Наташи похолодело.

– Я не...

– Молчи! Ты станешь моей женой. Решено!

– Мы не можем... – она растерянно пыталась протестовать, – Мы разные.

– Это неважно. Потомство у меня уже есть. Главное – ты станешь моей!

Обернулась на Ванхемпи. Губы его были плотно сжаты, напряженные мышцы перекачивались под зеленоватой кожей. Но он не пытался перечить отцу.

Часть 8

Они снова завтракали вместе – не пытаясь разговаривать, не поднимая глаз. Уже вошло в привычку готовить по очереди: один день старик, другой день майор. Сегодня была очередь Вадима. Он не стал мудрствовать, пожарил яичницу с беконом, сварил кофе.

– Полетишь? – спросил вкрадчиво, как бы между прочим.

Фолкор отрицательно помотал головой и продолжил есть. Это удивило майора. “Неужели бросил поиски? А может... нашел? Нет, если бы он отыскал Наташу, наверняка бы привез обратно”. Решение старика остаться дома озадачило Вадима. Ему было гораздо удобнее оставаться днем одному. Он надеялся посмотреть запись на коммуникаторе и, если повезет, все-таки забраться в подвальное помещение. Но пока Фолкор дома, об этом нечего было и думать.

Майор вышел на улицу, потянулся, разминая мышцы. Хозяин дома прошел мимо и у самой калитки обернулся.

– Скоро надо будет пшеницу убирать. Некоторые машины у меня есть, но лишняя пара рук не помешает. Если сможешь, – отвернулся, пошел своей дорогой, в сторону поля.

– Хм. Пшеницу убирать... Вот, значит, почему ты бросил поиски.

Старик его уже не слышал. Вадим испытывал одновременно и чувство вины за то, что живет иждивенцем, и чувство неприязни, подозрительности к старому обитателю станции. Не мог он себя заставить поверить в добрые намерения Фолкора. По крайней мере до тех пор, пока не раскопает все его тайны.

Спohватившись, майор вернулся в дом. “Что же это я время теряю? Пока он там, на поле, самый момент извлечь шпионское оборудование!”. У лестницы, ведущей вниз, остановился, обернулся на входную дверь, прислушиваясь. Тихо. Стал спускаться. Крутая лестница с узкими ступеньками не стала удобнее, но Вадим уже приноровился, да и нога слушалась его с каждым разом все лучше.

Вот и знакомая щель в каменной кладке. На какое-то мгновение ему показалось, что коммуникатора нет на месте, даже холодок пробежал по спине, но он протянул руку, нащупал среди шершавых камней гладкую поверхность. Здесь! Просто хорошо спрятал – так, что и сам не смог увидеть.

Вадим сунул устройство в карман, быстро, как только смог, поднялся вверх. В доме по прежнему было тихо. Он юркнул в свою комнату, прикрыл дверь. Как и следовало ожидать, коммуникатор разрядился. Пришлось воткнуть его в розетку и ждать еще минуту, пока он загрузится. Майор нашел в дебрях операционной системы запись, включил. Экран был темным, будто камеру чем-то закрыли, но это лишь оттого, что спуск в подвал не освещался. Вадим встревожился – а видно ли будет хоть что-нибудь, когда появится Фолкор? Он промотал запись, в самом конце, перед тем, как у коммуникатора села батарейка, мелькнуло что-то светлое. Открутил на пару минут назад. “Вот!”.

Старик спускался по лестнице почти с таким же фонариком, какой днем ранее использовал Чернаков. Чувствительному объективу этого освещения оказалось достаточно. Вот Фолкор повернулся спиной, подошел к стальной двери. Провел левой рукой по каменной кладке. Вадиму пришлось еще два раза перематывать запись, прежде чем он разглядел – на какой именно камень надавил хозяин. Металлическая створка скользнула в сторону, открывая проход буквально на секунду. Но майор успел увидеть, что там, внутри. Он поставил запись на паузу и долго смотрел на экран.

Не было никаких сомнений, что в подвале деревянного дома находится самый настоящий Центр управления! Вадим мог только гадать, к чему подключены эти приборы, пульта, мониторы... Очевидно, они служили не для управления сельскохозяйственной техникой. Тогда для чего? Ведь не для управления же всей станцией?

Майору очень хотелось вскочить, броситься туда, вниз, чтобы самому пройти мимо стальной двери и разобраться в назначении Центра управления. Но терять осторожность не следовало. Ведь у него даже нет оружия – пистолет забрала Наташка, а ружье старик носит с собой.

Вадим вышел на улицу, доковылял до калитки. Где-то далеко впереди, в километре, а может и больше, шевелилась рядом с комбайном крохотная фигурка. Вадим решил! Спустился вниз, осветил на камни, выискивая тот, особенный. Надавил на него.

Свет множества диодов сначала ослепил его. Чернаков несколько секунд привыкал к освещению, потом осторожно вошел внутрь, оглядываясь по сторонам. В первую очередь его интересовали камеры слежения. Конечно, они могли быть и незаметны его взгляду, надежно спрятаны, но ведь могли быть и смонтированы открыто, где-нибудь в углу, под потолком. Тогда об этом лучше узнать сразу. Но ничего похожего он не обнаружил.

Весь подвал представлял собой коридор, метров двадцати в длину и трех в ширину. Вдоль стен стояли многочисленные приборы, на потолке подвешены точечные светильники, на полу – бетонные плиты. Майор подвинул к себе кресло на колесиках, сел. В нерешительности посмотрел на ближайший монитор и клавиатуру. Шевельнул мышкой.

Ожившее изображение транслировало видеозапись. Он пригляделся, склонившись ближе к экрану. Картинка казалась ему знакомой. Вадим навел курсор на стрелку вправо,

нажал. Изображение сменилось. Сверху, вместо надписи “cam021344”, появилось “cam021345”. Он нажал еще, и еще. Картинки менялись одна за другой и Вадим уже понимал, что он видит.

Вытер испарину со лба. “Когда я смогу уйти? Ночью? Наташка нашла общий язык с эдеркопами, тварями, которых Фолкор ночью во двор выпускает. Потому и смогла улизнуть под покровом темноты. А меня они не любят... Днем? Может – сейчас?”. Вадим встал, оперся на больную ногу. Если выломать хорошую палку, то идти можно.

– Да. Надо уходить!

Он еще раз бросил взгляд на монитор, зло прищурился.

* * *

– Не буду я его женой...

Наталья выковыривала семечки из разрезанного фрукта, похожего на яблоко.

– Не буду! – “яблоко” полетело в дальний конец пещеры.

Ванхемпи сидел рядом, не решаясь вставить слово. Его мучали, разрывали на части верность отцу, народу, и... что-то еще, незнакомое, заставляющее с тоской глядеть на волосы чужестранки, ее алеющие от гнева щеки, сверкающие глаза.

– Что за бред, в самом деле! Мы разные существа, принадлежим разным видам. У каждого свои обычаи, привычки. Культура, в конце концов!

Она вскочила, стала ходить по пещере из стороны в сторону.

– Он уверен, что ты – женщина Темного Человека, – тихо заметил юноша.

Наташа порывисто направилась к Ванхемпи, склонилась над ним.

– Я своя женщина, собственная! – она ткнула пальцем в свою обнаженную грудь, – Понимаешь? Нет у меня хозяев! Я у Фолкора случайно оказалась. Да, он помог мне, но и не более того. А теперь мне надо идти дальше, к своим, а не участвовать, черт побери, в каких-то театрализованных представлениях! В роли невесты...

Подобрала “яблоко”, стряхнула с него пыль, откусила, глотая слезы вместе со сладкой мякотью.

– Слушай, – снова подошла к Ванхемпи, заговорила уже тише, менее агрессивно, – Это ведь... Просто формальность, правда? Обычай, традиция. Твой отец не собирается на самом деле сделать меня своей? Ну... Как женщину?

Сын светлого йохтая посмотрел на нее с удивлением.

– А разве можно получить женщину не по-настоящему?

“Яблоко” снова полетело в сторону и на этот раз развалилось на мелкие кусочки, ударившись о стену. Наташа забилась в угол, уткнулась лицом в колени. Плечи ее мелко вздрагивали.

– Не хочу-у...

Ванхемпи приблизился, осторожно коснулся ее руки.

– Эй, перестань. Все будет хорошо. Мой отец великий вождь, в этом нет ничего...

Девушка подняла голову, посмотрела на него хоть и заплаканными глазами, но так яростно, что он не решился продолжить.

– А ты, сын вождя? Ты сам – разве не желаешь мне добра? Я же вижу, ты хорошо ко мне относишься!

Он смутился, потупил взор.

– Если ты и правда добр ко мне, – горячо шептала Наташа, прижав свои ладони к его щекам, – Помоги мне сбежать!

Ванхемпи вырвался из ее объятий, поднялся на ноги и выскочил из пещеры. Он оставил на страже верного воина, а сам что было духу понесся через ходы, галереи, выскочил из каменного чрева скалы и, спустившись по едва заметным ступенькам, скрылся в зелени леса.

Он нарушил волю отца, оставив пленницу без личного присмотра больше, чем на несколько минут. Но по другому поступить не мог! Он не в силах был и дальше находиться рядом с этой женщиной. Иначе... Иначе она бы заставила его сделать то, о чем просила. Ванхемпи, сын Таркеина, готов был сломаться, подчиниться воле чужестранки. И он ненавидел себя за это.

Ветки деревьев хлестали его по лицу, испуганные птицы кричали над головой, выдавая движение, но Ванхемпи было все равно. Он бежал, бежал... Пока хватало дыхания, пока были силы. Потом упал в траву, закрыл голову руками, словно это могло помочь. Успокоившись, сомкнул веки и провалился в сон.

Когда очнулся, солнце уже стало луной. Ванхемпи выругался, пошел сквозь кусты к речушке, чтобы умыться. Русло ее петляло от самого канала, благодаря чему здесь всегда водилось много рыбы – сын Таркеина знал это, мужчины часто ходили сюда на рыбалку. Он зачерпнул горсть прохладной влаги, плеснул в лицо. И тут заметил, как по реке плывет нечто странное.

В ночном сумраке сложно было сказать наверняка, но, кажется, это был плот. И кто-то живой, стоя на этом плоту, отталкивался от дна длинным шестом. Его заметили, прятаться поздно. Ванхемпи погладил рукоять кинжала. Если бы у неизвестного, направляющего сейчас плот к берегу, было оружие вроде того, что нашли с чужестранкой, он бы уже мог убить Ванхемпи. Значит, они в равных условиях. А если у того нет и кинжала...

Незнакомец неуклюже спрыгнул на берег. Он сильно припадал на одну ногу, помогая себе уже другим, более коротким шестом. “Прекрасно! Калека не соперник опытному воину”. Подошел ближе к Ванхемпи и теперь тот смог разглядеть его лицо. Да, несомненно это был сородич чужестранки. И Темного Человека. Он показал юноше обе руки, демонстрируя свои мирные намерения. “Так я тебе и поверил, хитрый пришелец! Пожалуй, еще один человек в племени будет лишним...”. Сын вождя позволил хромому сделать еще один шаг, а потом стремительно выбросил руку вперед, целясь отточенным лезвием в грудь врагу.

Что случилось дальше, Ванхемпи понял не сразу. Его кинжал словно сам собой выскочил из ладони и воткнулся в землю. Запястье хрустнуло, дикая боль пронзила руку, затмевая весь остальной мир.

– А-а-а! М-м...

Незнакомец взял кинжал, сунул за пояс. Припал на колено здоровой ноги, вытянув покалеченную.

– Что ж ты, ушастый? Я ведь с самыми лучшими намерениями. Неужели непонятно?

Ушастый прижимал к себе руку, все еще перекатываясь с боку на бок. Наконец нашел в себе силы сесть, посмотреть на обидчика.

– Ну, давай! Убей меня!

– Тьфу... – майор сплюнул, достал из-за пояса кинжал, протянул его Ванхемпи рукоятью вперед, – Глупостей делать не будешь? Тогда держи. Убери подальше, чтобы не порезаться.

Тот недоверчиво взял оружие. Новых попыток нападения решил не предпринимать – слишком уж ловок этот калека. Убрал кинжал в ножны.

– Давай руку гляну, – не дожидаясь, пока сын вождя позволит Вадиму осмотреть запястье, тот сам потянул его на себя, дернул, заставив хрустнуть сустав. Ванхемпи лишь охнул, не успев вскрикнуть от новой вспышки боли, которая, впрочем, почти сразу отступила.

– У нас могли быть совсем разные кости, – недовольно проворчал он.

– О, ты знаешь интернациональный? Это сильно упрощает дело.

– За Наташей пришли? От Темного Человека?

Вадим застыл с открытым ртом, так и не успев задать вопрос.

Чтобы привести Наташу в лес, пришлось убедить отца в том, что девушка имеет право на последнюю прогулку за пределами пещер. Воинов, сопровождавших нареченную, Ванхемпи отослал в километре от реки, сказав, что дальше поведет ее один.

Едва завидев на берегу знакомую фигуру, Наташа бросилась в объятия Вадима. Стиснула его, уткнулась лицом в грязную куртку. Прошептала: “как я хочу, чтобы ты сейчас арестовал меня и посадил за решетку!”. Майор улыбнулся.

– У тебя... очень милое платьице.

Она попыталась было прикрыться, но потом покачала головой, улыбнулась в ответ.

– Что будем делать?

Трое сидели вокруг небольшого костра уже больше часа, но только теперь Чернаков решил озвучить витавший в воздухе вопрос.

– Есть двести тысяч колонистов, которые вынуждены жить в нечеловеческих условиях. Если мы им не поможем, то не поможет никто, уж это я могу сказать наверняка. И... Ты знаешь, – он посмотрел на Наташу, – Чтобы помочь им, нам придется туда вернуться и сломать систему. Найти единомышленников, смелых людей, готовых сражаться и даже погибнуть.

Наташа кивнула.

– Я не думала об этом именно так, но в глубине души все равно знала, что рано или поздно это случится. Еще тогда, когда прочитала первые знаки основателей. И я благодарна тебе, что сейчас ты на правильной стороне. На нашей стороне.

Вадим отмахнулся.

– Есть еще кое что. Фолкор! Или Темный Человек, как они его называют, – он кивнул на молчащего Ванхемпи, – Я не знаю, кто такой этот старик. Может человек, может нет. Но под домом, в подвале, у него телеметрия системы наблюдения за верхними уровнями. Он видит и слышит все, что происходит у колонистов.

– Но... зачем?

– У него спроси, – проворчал майор, – Факт остается фактом: он наблюдает за людьми и я почти уверен, что, если что-то пойдет не так, как ему хочется, он сможет вмешаться. Перекроет кислород, отопление, что-нибудь еще – не могу сказать. Но если бы он хотел помочь людям, пустить их сюда, во внутреннюю часть станции, то давно бы уже это сделал.

– Я... Я верила ему, – Наташа растерянно грызла ноготь.

Вадим обнял ее, погладил по голове. Потом посмотрел на Ванхемпи.

– Что вы знаете про старика?

В глазах у сына вождя мелькнул страх.

– Если люди придут, он убьет их. Как убил почти весь наш род и заставил тех, кто выжил, прятаться в пещерах.

– Убьет? – усмехнулся майор, – Один? Всех?

– Всех. В прошлый раз с ним была армия демонов.

– Каких-то монстров, что ли? Вроде эдеркопов?

– Я не знаю их сущности. Темные фигуры, которым были нипочем даже пули. Во всяком случае, так рассказывали старейшины.

Вадим погладил забинтованную ногу.

– Ну хорошо! Давай ближе к делу. Наташа к вам не вернется, не хватало еще, чтобы ее там... Кхм... Ну, одним словом... А если она не вернется, то с тебя, я так понимаю, шкуру снимут, да? Поэтому предлагаю тебе, сын вождя, на какое-то время уйти из племени.

Ванхемпи встал, одернул набедренную повязку.

– Я не оставляю свой народ.

– Как знаешь, – похоже, это решение несколько не расстроило майора, – Значит, мы уйдем с ней вдвоем.

– Погоди, – Наташа остановила Чернакова, уже тушившего костер, – Мы не знаем точно, куда идти. А ты?

Она посмотрела на Ванхемпи. Тот упрямо молчал, но, наконец, не выдержал.

– Знаю, наверное.

– Скажешь нам? – она подошла ближе, заглянула в его большие, желтые зрачки, – Мне скажешь?

Ванхемпи тяжело вздохнул.

– Вам все равно не уйти. Этот, – он кивнул на майора, – Хромает. А за тобой отец отправит лучших воинов. Они найдут вас прежде, чем вы доберетесь до места, и я ничем не смогу им помешать, даже если захочу. Отец просто запрет меня в пещере, когда узнает, что я потерял тебя. Вообще, до свадьбы к тебе слишком много внимания. А вот после... После – другое дело.

Чернаков двинулся к нему хромающей походкой.

– Может тебе доломать все-таки руку, а?

– Успокойся, Вадим. Он прав. И ты это прекрасно знаешь.

Чертыхнувшись, майор раскидал ботинком угли, затоптал их.

– Прав, прав... Но это же не значит, что ты обязана к ним вернуться?!

Наташа думала, наморщив лоб. Она смотрела то на офицера, когда-то едва не посадившего ее в тюрьму, а потом спасшего от смерти, то на юношу с неизвестной планеты, который должен был сторожить ее ради своенравного отца, но теперь готового рискнуть ради нее всем.

– Я вернусь в пещеры. А ты, Вадим, иди вперед. И не спорь со мной! Может, Ванхемпи даст тебе провожатого, если у него есть верный человек.

Сын вождя кивнул.

– Отлично. Найдешь путь к верхним уровням – не жди меня, уходи. Я догоню потом. Пусть только закончится эта проклятая свадьба...

* * *

Барабанный бой, петляя между скал, запутывая того, кто мог бы попытаться определить его источник, разносился на много километров вокруг. Майор обернулся, замер, стараясь перевести дыхание. Провожатый подгонял его – мальчишке хотелось скорее вернуться домой, туда, где сейчас празднество и веселье. “Не для всех оно, веселье это”. Вадим сжал зубы, двинулся дальше.

Большая пещера освещалась красным светом дюжины факелов. Где-то снаружи, за тяжелой ширмой, еще гуляли, поднимали бокалы с ягодным вином... Но здесь, казалось, воздух становился вязким, поглощал звуки извне. А может, Наташе это только казалось.

Набедренная повязка на ней была сплетена из белых лепестков болотного цветка, все тело разрисовано цветными красками. Она надеялась, что вино поможет притупить ощущения, сделает ее менее восприимчивой к тому, что происходит, но хмель никак не желал кружить ей голову.

Девушка позволила уложить себя на большой настил, покрытый пестрой, лоскутной тканью. “Для него это лишь ритуал. Просто ритуал”. Почему-то вспомнилась Земля, далекие студенческие годы. Зеленый первокурсник, с которым первый раз... Наташа закрыла глаза.

Часть 9

Вадим помнил, как много дней назад они с Наташей падали в пропасть, провалившись в одну из вентиляционных шахт верхних уровней. Сейчас ему предстояло подняться на эту высоту пешком, опираясь на больную ногу.

Парень, который привел его к тайному ходу, ушел сразу, не проронив ни слова. Похоже, это место ему не нравилось. “Да и я от него не в восторге!” – признался себе майор. Лаз, скрытый густой растительностью, заросший мхом, пришлось открывать рывками, опасаясь, что заржавевшая ручка вот-вот оторвется от дверцы. Но все обошлось, Вадим проник внутрь и уже не стал заботиться о том, чтобы закрыть за собой дверцу – пусть свежий воздух хоть немного разбавит затхлую атмосферу этого подземелья.

Он долго шел на ощупь, иногда включая фонарик – на пару секунд, чтобы посмотреть, где находится. Но картина всегда была одинаковой: каменные стены, бетонный пол, сводчатый потолок. И уходящий вперед тоннель, окончание которого карманный фонарик осветить не мог.

Наконец звук его шагов, эхом отражающийся от стен, изменился. Казалось, что впереди появилось препятствие. Вадим зажег свет и увидел лестницу. Словно огромное сверло, она ввинчивалась в потолок и уходила наверх. Тот ли это путь, который приведет его обратно, на верхние уровни, он не знал, но выбора не было – надо подниматься!

Останавливаясь лишь на короткие передышки, майор продвигался все выше и выше – шаг за шагом, пролет за пролетом. Ему бы никогда не подняться на самый верх, но в лестничной шахте, уже со второго уровня, работала локальная гравитация. Она была меньше стандартной, не тянула вниз слишком сильно.

Пару раз пришлось сесть на металлические ступеньки, чтобы подольше отдохнуть. На втором привале он заметил, что сквозь повязку проступило красное пятно: рана открылась. Вадим выругался, но продолжил подниматься. Лучше не тянуть время, не ждать, когда кровотечение прекратится, чтобы через пять минут после этого все равно разбередить рану.

Последние пролеты он преодолел на остатках сил. Заставлял себя ставить одну ногу, потом другую, сморщившись от боли, и опять все сначала. Опустив голову, тяжело дыша... Ударился лбом о железо. Остановился, посмотрел вперед. Лестница упиралась прямо в запертую дверь. Мозг послал организму сигнал о том, что путь окончен, и, потеряв стимул, тело ослабло, будто из него вытащили стержень. Чернаков свалился на ступеньки, закрыл глаза. Сознание еще пыталось цепляться за окружающий мир, но быстро проиграло. Вадим отключился.

В забытьи ему мерещилось, что лестница исчезает и он снова падает вниз, все глубже и глубже... Очнулся в холодном поту. Его лихорадило. Майор понимал, что ранение не прошло для него даром, но сейчас было не до этого. Надо идти дальше!

Дверь с засовом, таким же ржавым, как там – в кустах, во внутренней части станции. Не церемонясь, он несколько раз пнул засов ногой. Тот поддался, скрипнул. За дверью знакомый коридор: узкий, с кабелями и трубами вдоль стен. Но знаком он лишь по своему виду – они, эти катакомбы верхних уровней, все похожи друг на друга. Где именно он находится, майор сказать не мог.

Он остановился в раздумье. Вспомнил про Наташу. “Ей пришлось многим пожертвовать ради того, чтобы двести тысяч колонистов получили шанс обрести новый дом. Ради того, чтобы я сейчас шел к ним, а не сидел в доме Фолкора, или, того хуже, в пещере какого-то дикаря. Вместо меня в пещере она... Сможет ли сбежать? Пойдет ли следом?”.

Повернул направо, руководствуясь лишь внутренним инстинктом. Через час понял, почему они ни разу не натыкались на этот выход к лестнице, хотя по приказу капитана большая часть катакомб тщательно обследовалась.

Коридор был изолирован от остальной части верхних уровней! Вадим помнил, что с той стороны много раз видел двери без ручек, без намека на замки. Тогда они даже не пытались вскрыть эти проходы, и не в последнюю очередь из-за таинственных знаков, намалеванных

красным. Кто знает, что они означали? Радиацию? Безвоздушное пространство? Зону высокого давления? Сейчас бы Наташка прочитала! Но тогда было решено не соваться и гражданских близко не подпускать.

Он прислушивался, прижимая ухо сначала к одной двери, потом к другой. Пару раз ему показалось, что он слышит голоса. Но потом были другие запертые проходы и за ними не было слышно ничего. Наконец, за очередной металлической створкой он ясно различил журчание человеческой речи! Да, нашел!

С этой стороны ручка и замок были, можно попытаться открыть. Но кто его там встретит? И как? Нет, на рожон лезть не стоит. Надо попробовать выйти из коридора там, где тихо.

Он вернулся назад, нашел одну из дверей, за которой ничего не было слышно. Приложив немало усилий, повернул защелку. Чернаков сразу понял, где оказался. Обитаемые зоны верхних уровней он знал хорошо – профессия накладывала свой отпечаток. "Это же Фактория, окраина нашего поселения!".

Здесь жили самые бедные колонисты, простые работяги. И здесь же сосредоточено несколько предприятий, из-за которых местный люд и так район и прозвал.

"Так даже лучше. Нашего брата жандарма на Фактории встретишь нечасто, а в испачканной, местами рваной одежде, я вполне сойду за своего. Если лицо лишний раз не показывать".

Он знал, что ему нужно. Точнее – кто. Врач. Не из команды, гражданский. Как его? Краснов? Нет, Красавин! Как-то раз Вадим отпустил его, не став шить экстремизм. Хотя, надо признаться, в высказываниях доктор не стеснялся. Наверное, майор тогда почувствовал, что нужный это человек, не будет от него проку за решеткой. А вот на воле...

Внутреннее время, если верить часам у районной комендатуры, близилось к полуночи. Гореть оставили лишь каждый четвертый фонарь, народу на улицах, которыми, по сути, являлись тоннели и коридоры, почти не было. Вадим добрался до места незамеченным, постучал в дверь. Поначалу никто не отзывался, но Чернаков был настойчив: постучал еще раз, и еще. Раздались едва слышимые шаркающие шаги.

– Кто?

– Откройте, мне нужна помощь!

Тишина.

– Пожалуйста.

Дверь приоткрылась, Красавин настороженно посмотрел на бродягу с перевязанной ногой.

– У меня с девяти утра прием.

– Вы меня не узнаете?

Врач взглянул внимательнее, поправил очки на носу.

– Черт побери. Заходите! Да живее...

Они сидели в маленькой комнатухе, служившей Красавину одновременно и гостиной, и кухней, и, видимо, приемной. Вадим вытянул больную ногу, перетянутую свежим бинтом, под которым был антисептический гель. Под мышкой он держал градусник, в правой руке кружку синтетического чая.

– Ерунда это все, – майор кивнул на градусник, – Я и так вам скажу, что температура есть и она высокая. Это сейчас не главное.

– А что главное? – врач собирал инструменты, убирал их в сумку, – То, что вы рассказали? Про другой мир внутри станции? Вы – жандарм?

– Какая разница, кем я был в прошлой жизни? Все это позади, сейчас надо о другом думать!

– Разница в том, милый человек, что вы, как никто другой, должны понимать, что в идеологии капитана никакого другого мира не существует. Только этот! И точка! А если мы с вами, сдуру, устроим... Нет – попытаемся устроить революцию, то не доживем и до утра.

– Не мы с вами. Я знаю людей, офицеров. Они мои друзья и для них честь не пустой звук. Если вы... – он замялся, понимая, какую ответственность возлагает на врача, какой опасности его подвергает, – Если вы приведете их сюда, я уверен – вместе мы сможем что-то организовать. На это уйдет какое-то время, может, несколько дней

Он взял ручку, вырвал из докторского блокнота листок и поверх рецептурного бланка стал писать адреса и фамилии.

* * *

Свадьба, праздник, бой барабанов и омерзительная ночь при свете дюжины факелов – все это действительно было для Таркеина, светлого йохтая, лишь ритуалом, торжественным обрядом. Он верил, что забрал часть силы Темного Человека, заполучив его женщину. Но совсем не собирался жить с ней, как с женой.

Наутро Ванхемпи отвел Наташу в ее пещеру. Он старался не смотреть на нее, был хмур и немногословен. Хотел тут же выйти, но она его остановила.

– Ты ведешь себя так, будто это я в чем-то виновата.

Сын вождя заставил себя посмотреть девушке в глаза. Долго ничего не говорил, потом выдавил:

– Нет, – слово вышло глухим, тяжелым, словно упавший камень, – Я виноват. Должен был...

Он отвернулся.

– Теперь уже ничего не исправить!

Ванхемпи вышел из пещеры. Наташа пошла следом, но ее остановил один из воинов. С ненавистью сверкнув глазами, она вернулась в место своего заточения. Где-то там, наверху, где небесное око заглядывает в зал с бассейном, щебетали птицы. Солнечные лучи старались пробиться в недра мрачного пещерного города и звонкие детские голоса говорили о том, что жизнь продолжается.

Наташа сжала кулаки, прикусила губу. Нет, она не собиралась оплакивать свои потери. Она думала про Вадима: как он там, добрался ли? Получится ли у него хоть что-нибудь? И когда она сможет уйти следом? Каждая минута пребывания в подземном мире терзала ее изнутри, сжигала унижительными воспоминаниями о том, что пришлось пережить.

Ей пришлось заставить себя успокоиться, изобразить безразличие, а потом даже, как это ни ужасно, благодушное настроение. Она изо всех сил старалась притупить бдительность конвоиров, усыпить их внимание. Даже если Ванхемпи, который теперь избегал ее, не поможет, она сама найдет возможность сбежать! Быть чьим-то талисманом, свидетельством украденных колдовских сил, Наталья решительно не собиралась.

Через несколько дней воины перестали следить за ней так же пристально, как раньше. Порой даже у пещеры никто не оставался и она могла одна, без присмотра, выходить на прогулку в большой зал. Впрочем, это было днем, когда вокруг и без того полно внимательных глаз, поэтому она не рисковала пытаться бежать. Вот если бы ее оставили без внимания ночью...

– Светлый йохтая хочет тебя видеть, – на пороге стоял один из охранников, ожидая, когда Наташа поднимется и пройдет мимо него.

“Что еще надо этому мерзкому отродью?”. Она вымученно улыбнулась, вышла из пещеры. Узкие ступеньки вниз, косые взгляды у бассейна, тяжелая ширма. Свет факелов вызвал у нее приступ тошноты. На несколько мгновений она закрыла глаза, призывая свой организм успокоиться. Потом взглянула на сидящего вождя. Он поманил ее рукой, указал на место рядом. Наташа села.

– Я не чувствую изменений, женщина Темного Человека.

Ей очень хотелось съязвить по этому поводу, но она сдержалась.

– Каких?

– Ты знаешь! Нельзя забрать чужие силы и не почувствовать этого. Может, мы сделали что-то не так? Или недостаточно?

“О, уж скорее не так, чем недостаточно!”

– Я не знаю, что можно еще сделать.

– Не знаешь?!

Он вскочил, заставил встать и ее, схватив за шею. Прижал к холодной стене.

– Не знаешь? – повторил шепотом, – Сейчас я покажу. Мы будем делать это каждый день, столько раз, сколько потребуется, чтобы я ощутил изменения.

– Да ты просто тупой фанатик! Я никакая не жен... – она захрипела, потому что ее горло сдавила зеленая ладонь.

Таркеин расправился с ее набедренной повязкой, развернул девушку к себе спиной. Воспользовавшись тем, что он оставил ее шею в покое, Наташа закричала.

– Отец!

У входа в пещеру стоял Ванхемпи, из-за его спины выглядывали двое взволнованных воинов с пиками.

– Убирайся, отпрыск!

– Отец, ты не должен так поступать. Ты – светлый йохтая!

– Выведите его отсюда! – прикрикнул Таркеин на воинов.

Те не повиновались. Они переглянулись и остались на месте, а Ванхемпи прошел на середину пещеры.

– Это мои люди, отец. Они будут делать то, что я прикажу. А теперь отпусти чужестранку, она этого не заслужила.

Пораженный вождь отпустил Наташу.

– Вот как? Твои люди? Среди моего народа нет воинов, не подчиняющихся мне! И если сейчас они не выполнят приказ, завтра их тела унесет большой канал! А ты будешь заперт в глубине скалы до тех пор пока не одумаешься и не принесешь извинения.

– Наташа, иди сюда, – спокойно сказал Ванхемпи.

Она не стала заставлять просить себя дважды: подхватила набедренную повязку и, надевая ее на ходу, подошла к сыну вождя. Если бы она имела дело с людьми, то была бы уверена, что Таркеин в эту секунду побагровел от гнева. Но красными на его зеленой, морщинистой коже, были только отблески факельного огня. Он вытянулся, поджал губы. Молча наблюдал за тем, как Ванхемпи уводит Наташу.

Они вышли из пещеры, быстро прошли по тоннелю, ведущему на улицы. Сзади их прикрывали все те же двое воинов.

– Он пошлет за нами погоню! – взволнованно сказала она.

– Не сразу. Сначала будет разбираться – кому теперь может доверять, а кто слушается меня. Я чувствовал, что этим кончится, – мрачно изрек Ванхемпи, – Последние дни собирал верных людей и сейчас нам главное дойти до лагеря, который мы разбили неподалеку. Там мы будем в безопасности!

Наташа не знала, что ответить.

– Прости... Все из-за меня. Теперь ты против отца и ваше племя разорвано на части. Это... война?

Он кивнул.

– Но ты ни при чем. Его поведение было недостойно светлого йохтая.

Едва дождавшись беглецов, воины Ванхемпи снялись с места и двинулись дальше, за речку, где было большое открытое пространство, гарантирующее, что к ним ни с каких сторон не смогут подойти незаметно. Сын вождя собрал много людей, но все же их было меньше, чем у отца. Оставалось надеяться на злость и веру в то, что правда на их стороне.

Сутки восставших никто не беспокоил. Потом пришел посланник от Таркеина. Он пообещал милость вождя всем воинам, если они выдадут его сына и чужестранку. В противном случае всех их ждет смерть, невзирая на кровное родство и брачные узы. Ванхемпи усмехнулся, снял с шеи семейный герб, вырезанный из кости, бросил его посланнику.

– Передай отцу, что мне это больше не нужно.

Похоже, другого ответа тот и не ожидал. Он кивнул, спрятав герб, отправился в обратный путь.

Никто не знал, когда нападет Таркеин, и нападет ли вообще. А, может, он будет ждать в пещерах? Расставили посты, отправили разведчиков. Потянулось тягостное время ожидания.

Наташа сидела у главного, центрального костра. Обхватив колени, накинув на плечи легкое покрывало. Мыслями она была далеко от этого места. Вспоминала Землю, долгий полет на космическом корабле, катастрофу... А потом – жизнь на верхних уровнях Путевой Станции. Изучение письменности ее строителей, жалкие попытки добиться чего-то от капитана, команды. Наконец – бегство с Вадимом, хотя он его и не желал. Встреча с Фолкором, так и оставшимся для нее загадкой. Пещерный город. Ванхемпи. Таркеин. Свадьба...

– Не грусти, – отрекшийся сын вождя присел рядом, – Все будет хорошо. Сила всегда с честными воинами. Знаешь, отец не любил, когда кто-то из старейшин рассказывал о нашей родине, о предках. О той жизни, которая была до этого мира, внутри большой круглой скорлупы. У нас ведь тоже были космические корабли, мы были такие же умные, как и вы. Возможно, наши сородичи и сейчас живут где-то, среди далеких звезд. И я не хочу этого забывать!

Она улыбнулась, прижалась к нему левым боком. Ванхемпи украдкой поцеловал ее волосы.

Утром разведчики донесли, что Таркеин с воинами выдвинулся по направлению к реке. Через два часа они должны перейти русло и вступить на равнину, где стояли лагерем восставшие. Никто не паниковал, не суетился. Люди Ванхемпи спокойно готовили оружие, молились своим богам. Ближе к сроку выстроились боевой шеренгой, прикрыв с флангов Наташу и немногих других девушек, решившихся идти с ними. Сам Ванхемпи стоял впереди, слегка улыбаясь, поглаживая упругий шест своей пики. Он не видел, как сзади, задыхаясь от изнурительного, долгого бега, к ним приближался дозорный, на всякий случай отправленный в тыл. Расталкивая воинов, он добежал до командующего, схватил его за руку.

– Армия... Темный... Армия демонов... С Темным Человеком... Идут сюда!

Часть 10

Их было слишком мало. На пару сотен тысяч населения – лишь двадцать офицеров, согласившихся поставить на кон все. Жизнь, свободу, благополучие близких... Никакой уверенности в успехе, никаких гарантий. Но отступить было уже поздно.

Вадим еще раз обвел взглядом лица товарищей. Тусклая лампа в гостинной доктора освещала их мутным, желтоватым светом. Все офицеры едва помещались в небольшой комнатухе, сейчас они собрались вокруг стола, на котором была разложена карта Города.

Доктор Красавин сидел в углу, с книгой в руках, примостившись в потертом деревянном кресле. Он не принимал участия в восстании, но знал, что если оно потерпит поражение, за ним придут в первую очередь. Что ж, рано или поздно это все равно бы случилось. Он послушав палец, спокойно перелистнул страницу.

– Шанс только один, – тихо произнес майор Вадим Чернаков, – Когда все завертится, ни у кого уже не будет возможности передумать, остаться на другой стороне. Вы это понимаете?

Молчаливое согласие было ему ответом. Майор кивнул, снова взглянул на карту. Она была склеена из нескольких десятков обычных бумажных листов – распечаток планировки той части верхних уровней, которые успели заселить колонисты. Планы кропотливо составлялись все последние годы, но по приказу капитана потерянного корабля, узурпировавшего власть, никто не имел права взглянуть на единую схему, каждый офицер отвечал лишь за свой небольшой участок. Им пришлось собирать кусочки мозаики по частям – все, что могли раздобыть. Некоторые части карты были дорисованы от руки.

– Сколько бы бойцов не пошли за вами – не останавливайтесь. Не пытайтесь что-то переиграть. Помните: рядом, на соседней улице, в соседнем квартале, кто-то будет рассчитывать на то, что вы прикроете его с фланга. А он, в свою очередь, прикроет кого-то еще, – Вадим поморщился от боли, перенес вес тела на здоровую ногу, упершись руками в стол, – Давайте еще раз пройдемся по плану...

План был прост. Отрезать центр, где располагалась резиденция капитана и верной ему охраны, от периферийных подразделений. Сделать так, чтобы он не мог отдавать приказы, руководить колонией. Хотя бы на несколько часов, чтобы восставшие смогли начать выводить гражданских во внутреннюю часть станции. А потом... Чернаков считал, что потом этот процесс остановить будет невозможно! Да и остальные люди в форме могут перейти на их сторону, ведь когда тебе показывают перспективу лучшей жизни, трудно удержаться.

Ему предложили остаться здесь, на квартире Красавина. Никто, кроме двадцати человек и самого доктора, не знал, что это место невольно стало центром восстания. Какое-то время оно еще будет безопасным. Но Вадим отказался.

Он направился к месту работы – тюремной секции очистного квартала. Удивил своим появлением начальника смены, считавшего, что Чернаков пропал без вести и, скорее всего, погиб. Попросил собрать всех бойцов – пятнадцать человек внешней охраны и десять внутренней, быстро объяснил им ситуацию. Он видел, что у некоторых на лицах читался страх, им совсем не хотелось идти против капитана, против действующей власти, сложившихся порядков.

– Кто против – можете остаться, я пойму. Можем даже запереть вас в камерах, чтобы никто потом не мог обвинить в том, что вы не пытались помешать нам.

Бойцы стояли на своих местах. Никто не захотел остаться, даже те, кто не скрывал ужаса, бушующего у них в душе. Он вывел их на улицу, в приказном порядке оставив в тюрьме лишь двоих, на случай, если заключенным потребуется какая-то помощь. Разбираться – кто в чем виноват, чтобы по случаю революции распустить обитателей камер, он не стал, на это уже не оставалось времени.

Улицей на верхних уровнях считался любой магистральный коридор. Они двинулись по нему вперед, к центру Города. Время от времени Вадим поглядывал на часы: из-за его ноги они двигались медленнее, чем следовало. Несмотря на таблетки, которые дал Красавин, у майора опять поднялась температура, кружилась голова.

– Идите вперед! – приказал он, – На перекрестке занимайте позицию и никого не выпускайте из центра. Я вас догоню.

Не самый лучший приказ. Ему следовало бы быть вместе со своими людьми, но тогда они опоздают к условленному времени. Бойцы ушли, щелкая предохранителями автоматов, дробно постукивая по металлическим плитам тяжелыми подошвами ботинок. Вадим еще несколько минут шел за ними, потом остановился передохнуть. Мучала одышка, колотилось сердце... “Да, совсем я сдал за эти дни. А ведь мог бы остаться с Фолкором, долечить ногу. Помогал бы ему сейчас пшеницу убирать. Теплый ветерок, солнце... Пусть и искусственное”.

Впереди раздались выстрелы.

– Ах, черт!

Он выругал себя за минутную слабость. Припустил по улице ковыляющей походкой, выхватывая из кобуры пистолет. Передернул затвор. “А может, именно сейчас Фолкор

наблюдает за мной. За всеми нами. Что ж, пускай поглядит!”. Сквозь стрекот выстрелов доносились крики.

– Я ранен!.. Осторожнее, обходят слева!.. Магазин, кто-нибудь! Магазин!..

Следовало ожидать, что приближенные капитана не перейдут на сторону восставших. Первый же патруль из центра, наткнувшийся на отряд Чернакова, после короткой стычки открыл огонь. И, хотя численное преимущество пока было не на их стороне, вскоре к патрулю подошла подмога. Появились первые убитые. Восставших стали теснить. Вадим приказал разделиться и отходить по разным тоннелям, чтобы блокировать обе улицы, уходящие от этого перекрестка.

– Не дайте им пройти по галерее!.. Прикройте меня!..

Пули свистели все ближе, высекая искры из металлических стен. Отступавшим приходилось оставлять раненых, чтобы продолжать сражаться самим. Выстрелами разбило несколько фонарей, видимость в тоннеле ухудшилась. Майор, забравший у одного из убитых автомат, отчаянно отстреливался, но понимал – долго они не продержатся. “Что сейчас происходит в соседних кварталах, на других перекрестках? Сопутствует ли им удача хоть где-нибудь? Или...”. Он подтянул к себе за рукав начальника смены.

– Бери трех-четыре бойцов и бегом в очистной! Выводи всех гражданских к тому месту, о котором я тебе говорил!

Начальник хотел что-то возразить, но Чернаков оттолкнул его от себя.

– Быстрее! Бегом!

Пуля ужалила его в предплечье. Упал, перекатился к стене, спрятался за выступом. Враг был уже совсем близко. Сквозь задымленный тоннель к ним приближались смутные тени, вспыхивали оранжевыми цветками выстрелы. Где-то близко разорвалась граната и у майора заложило уши...

Кроме Вадима оставалось двое или трое бойцов. Вынырнувшие из сумрака патрульные сцепились с ними врукопашную. Кто-то кинулся на майора. В абсолютной тишине он отбивался как мог, пока сбоку не ударили прикладом. Мир окончательно померк, заваливаясь на бок, теряя четкие очертания...

Образ Наташи появился из небытия. Она смотрела на него с улыбкой, гладила по щеке. Звон в ушах мешал слышать ее слова, но девушка постоянно что-то говорила, говорила... Наверное, успокаивала его, обещала, что все будет хорошо. Появился кто-то еще. Мужчина. Он наклонился, проверил пульс на шее Чернакова. “Кто это? Кто это?! Отойди от меня!”. Майор махнул рукой – слабо, неуклюже, стараясь оттолкнуть от себя неизвестного.

– Нет! Отойди!

– Да успокойтесь же вы, Вадим Сергеевич.

Он открыл глаза. Над ним склонился Красавин. Они все еще были на верхних уровнях, в одном из металлических коридоров, среди множества труб, кабелей. Наташи рядом нет. Пригрезилось...

– Мы проиграли? – тихо спросил он.

Доктор отрицательно помотал головой. Рядом появился начальник смены – грязный, в разорванной форме, с перебинтованной головой. Улыбнулся, показывая на кровь, проступающую сквозь повязку.

– А мне – видишь – тоже досталось!

Вадим поморщился: его собственная голова жутко болела, так, что он даже перестал обращать внимание на ноющую ногу. Да еще этот звон... Хорошо хоть, что слышит.

– Гражданских... вывели?

– Не смогли.

– Почему?

– Они не захотели, пошли к центру. Сами. Там, на площади, уже собирались все колонисты. Они блокировали капитана, разоружили охрану. А куда деваться, если тебя окружают десятки тысяч? У верной капитану жандармерии нет столько патронов!

Майору помогли встать. Кто-то подогнал маленький электромобиль, хорошо подходивший для перемещения по улицам-тоннелям Города. Вадима усадили в кресло, машина плавно ускорилась. Мимо проплывали знакомые кварталы, толпы ликующих людей.

– Мы должны уходить отсюда. Хватит жить в катакомбах.

– Туда и едем, – подсказал водитель, – Сами покажете путь.

Несколько минут они молчали, потом Чернаков спросил:

– Где сам?

– Догадайся, – усмехнулся начальник смены, – В нашей секции, в очистном квартале.

Он помедлил, раздумывая, потом добавил:

– А ведь он, капитан, посылал тогда за тобой. За тобой и девчонкой. Чувствовал, что опасно это для него, когда кто-то ускользает.

– Посылал? Кого?

– Не знаю, кого-то из своих. Но они не вернулись.

Майор погладил простреленную в вентиляционной шахте ногу.

– Понятно.

Электромобиль остановился. Они были у тех самых дверей, через которые он недавно вернулся в Город. Вадим подошел к стене, провел по ней рукой. Он помнил, что оставлял дверь открытой, но она, видимо под собственной тяжестью, захлопнулась. Если бы не тончайшие границы дверного проема, видимые только вблизи, можно было бы подумать, что здесь сплошная стена металла.

– Принесите резак...

* * *

Ванхемпи резко обернулся, посмотрел назад, на зеленеющую полосу леса.

– Ты ничего не путаешь?

Разведчик еще раз подтвердил то, что видел.

– Много демонов, очень много! Серые, полупрозрачные. И он с ними – Темный Человек.

Ванхемпи доверял своим людям. Он не мог допустить мысли, что разведчику это привиделось от страха. Скомандовал развернуть половину воинов к лесу, разделив и без того небольшой отряд. Сражение обещало быть безнадежным.

Подошла Наташа.

– В чем дело? Почему ты приказал им развернуться?

– Твой... Фолкор. Идет сюда. С армией.

– Фолкор? Ерунда, у него нет никакой армии, лишь несколько полуразвалившихся флайеров.

– Он идет сюда с армией, – упрямо повторил сын вождя, – Тебе надо уходить, пока есть возможность. Времени совсем мало! Возьми наших женщин и идите в верхний мир, за твоим майором. Быстрее, Наташа!

Она отступила на шаг назад.

– Я не собираюсь прятаться. Если он пришел, то, возможно, за мной. Вы здесь ни при чем.

Она пошла к лесу, расталкивая руками соплеменников Ванхемпи.

– Стой! – он хотел задержать ее, рванулся вперед, но один из старых, опытных воинов, схватил его за руку, остановил.

– Если она думает, что может остановить Темного, пусть попробует. Мы его точно не остановим.

Ванхемпи отдернул руку, проводил Наташу долгим, тоскливым взглядом. Потом подозвал двух крепких, молодых парней.

– Бегите к проклятой пещере. Так быстро, как только сможете! Принесите старое оружие.

Парни переглянулись, один из них посмел возразить:

– Но командующий, нельзя брать старое оружие! Даже сам Таркеин не смеет...

– Он не смеет, а мы смеем! Вперед, выполняйте приказ!

Они перекинули через плечи свои луки, уже изготовленные было для сражения, со всех ног бросились бежать вдоль реки, чтобы обойти войско приближающегося светлого йохтая.

Наташа пробиралась через лес, раздвигая кусты и ветки деревьев. В глубине ее души боролись противоречивые чувства. Теперь она знает, что Фолкор не так прост – вся это подвальная телеметрия, подглядывание за людьми на верхних уровнях... Но она не верила, что старик мог наколдовать армию мифических существ и двинуть с ней войной на пещерных жителей! Нет, здесь что-то не так. Она встретит Фолкора, поговорит с ним, убедит не трогать Ванхемпи и его людей.

Вышла на прогалину, осмотрелась. Кажется, что-то двигалось впереди, но густые заросли не позволяли рассмотреть – что именно. Пошла навстречу... Позади раздались крики: видимо, отряд Таркеина уже переправляется через реку и воины Ванхемпи готовятся его встретить. “Эх, если бы получилось остановить тех и других!”. Наташе было особенно обидно, что гражданская война в племени разгорелась и по ее вине.

Она снова остановилась. Теперь точно можно было сказать, что к ней кто-то приближался.

– Фолкор! Слышишь? Это я, Наташа!

Появился человек. Она еще мгновение напряженно всматривалась, потом поняла – да, это он. И тут же справа и слева появились тени: одна, другая, третья... Девушка все ждала, когда же эти бестелесные субстанции обретут плотность, станут живыми существами, но... они так и оставались серыми, полупрозрачными тенями. Наташа почувствовала, как по спине у нее пробежал неприятный холодок.

Фолкор тем временем остановился, не дойдя до нее нескольких шагов. Его таинственные спутники продолжали бесшумно парить над землей, продвигаясь все дальше, в сторону начинающегося за лесом сражения.

На лице старика не было радости от встречи, он сухо проговорил:

– Не мешай. Тобой займусь позже.

Обошел ее сбоку, не оглядываясь двинулся дальше. Но она не отступила, бросилась следом.

– Постой! С кем ты пришел? Кто это? Что вы собираетесь делать?

Отмахнулся.

– Стой тут, глупая девчонка. Я скоро вернусь. Это быстрая работа...

Наташа и правда замерла, но лишь для того, чтобы бросить ему в спину:

– Кто ты?!

В интонации, с которой она задала вопрос, было все – отчаяние, угроза, плохо скрытая злость и надежда на то, что они все-таки могут договориться, понять друг друга. Фолкор сделал еще шаг, повернул голову. Быстро преодолел разделяющее их расстояние и грубо схватил девушку за шею.

– От тебя же ничего сложного не требовалось, дура! Варить суп, за курами ухаживать. А потом... Ведь я – хозяин этого мира! Потом ты стала бы моей, и тебе было бы подвластно почти то же, что и мне!

Он опустил руку, позволив Наташе вздохнуть.

– Да что вы – сговорились все? – прохрипела она в ответ, потирая покрасневшее горло,

– Один говорит "стань моей", другой... Я вам что – вещь?

Он молчал, бесстрастно взирая на девушку и она впервые заметила в лице Фолкора, его взгляде, нечто чужое, нечеловеческое.

– Кто же ты? – повторила вопрос.

– Я не виноват, что станция решила сделать свой аватар из мяса и костей, – развел руками старик, – Ей нужен хозяин внутреннего мира. Но по мне так лучше быть собранным из металла. Тогда тебе не нужна пища и... все остальное. Не нужна женщина. Ты даже не представляешь, как долго я ждал, пока здесь появятся люди, настоящие люди! А не...

Он кивнул в стороны реки, откуда доносились звуки сражения.

– Какие только твари не попадали на станцию за последнюю тысячу лет. И вот, наконец, ты! Жаль, конечно, что сбежала. Возомнила себя вершительницей чужих судеб. Но здесь я хозяин. И я решаю – кому остаться, а кому сгинуть навеки! Эти, прятавшиеся в пещерах, явно засиделись. Ну ничего. Сейчас исправим.

Фолкор повернулся, пошел дальше, уже не обращая внимания на ее крики, просьбы остановиться. Наташа побежала следом. Они вместе вышли из леса, оказались на просторном поле, где шла жаркая схватка.

Воины Ванхемпи, по-прежнему ждущие появления врага с тыла, стояли спиной к реке, лицом к лесу. Завидев стройный ряд теней, просочившихся сквозь деревья, они дружно опустили пики, сверкнувшие на солнце железными наконечниками. Хором выкрикнув что-то угрожающее, двинулись навстречу.

Наташа уже бежала к общей свалке, заходя со стороны, надеясь, что в нее не угодит шальная стрела. Девушка хотела найти сына вождя и самого Таркеина, предупредить их о новой опасности, призвать к примирению, хотя бы временному. Но заметила, что сражающиеся уже и сами оборачиваются, поглядывают в сторону леса, откуда надвигалась зловещая серая волна.

– Ванхемпи! Таркеин! Прекратите!

Некоторые воины уже отошли в сторону, со страхом и недоумением глядя то на чужестранку, призывающую остановить бой, то на армию демонов, против которой бесстрашно двигалась шеренга пикинеров.

Серые окружали всех, без разбору – и тех, кто пришел с вождем из-за реки, и тех, кто с его сыном ждал здесь, на поле. Сражение невольно стало затихать и в какой-то момент остановилось совсем: люди одного племени, разделенные распрями, опустили оружие, затравленно оглядывались по сторонам. В памяти каждого всплывали жуткие рассказы старейшин о тех временах, когда серые твари, угрожая им истреблением, прогнали с равнинной части внутреннего мира и заставили укрыться среди скал.

Вперед вышел Ванхемпи. На мускулистом теле было несколько царапин, но серьезных ранений ему удалось избежать. Он прищурился, выхватил пику из рук стоявшего рядом воина, совсем недавно бывшего ему врагом. Оттянул руку и мощным толчком послал деревянное древко вперед. Запустил его почти не целясь, но длинная, смертоносная игла, попала точно в тело врага – в одно из странных, полупрозрачных пятен. Пика прошла через него, как сквозь пустое место, не сломавшись, не замедлившись, не причинив вреда.

Рядом кто-то охнул, запричитал, но Ванхемпи и не думал сдаваться. Он взял другую пику, сорвал с пояса острый наконечник, который Наташа всегда считала кинжалом. Только сейчас она обратила внимание, что такой же был на поясе почти каждого воина. Понадобилась лишь пара секунд, чтобы накрутить это острие на конец пики. Демоны стали гораздо ближе и теперь не нужно было придавать метательному оружию сильное ускорение. Взмах руки, толчок...

Как только сверкающий наконечник пронзил демона, его тело взорвалось изнутри пучком ярких молний, будто неуклюжий электрик устроил замыкание высоковольтных проводов. Демон исчез. Воины позади разразились радостными криками, но именно в этот момент серые существа бросились в атаку.

Двигались они молниеносно, не поднимаясь выше человеческого роста, но и не касаясь земли. Как только полупрозрачная субстанция касалась человека, он падал, начинал биться в конвульсиях, кожа его чернела и в конце концов несчастный затихал, отправившись в лучший мир. Воздух наполнился новыми криками, еще более жуткими, чем несколько минут назад. Запахло горелой плотью...

Наташа бежала через толпу, уворачиваясь от летящих пик, нацелившись на мускулистую фигуру в ссадинах. Ванхемпи не останавливался ни на секунду, он срывал с погибших врагов и товарищей наконечники, подбирал пики и отправлял в сторону очередной твари, подобравшейся слишком близко.

– Что ты здесь делаешь? – закричал он, увидев Наташу, – Уходи немедленно! Я же просил... Ты не смогла его остановить, уходи!

Она молча сорвала с пояса убитого наконечник, протянула ему. Ванхемпи криво ухмыльнулся – “черт с тобой, сумасшедшая девчонка, оставайся!”.

Наташа заметила у кромки леса безразличную фигуру Фолкора, взирающего на побоище. Ему не было дела до криков, боли, смерти... Он понимал, что силы неравны и никаких сверкающих кинжалов, насаживаемых на пики, не хватит, чтобы остановить его демоническое воинство. Нужно только немного подождать.

Сражение продолжалось десять минут, двадцать... Круг обороняющихся сужался, им уже не хватало оружия, а нападавших было все так же много. В какой-то момент Ванхемпи оказался отрезан от остальных. Он швырнул в ближайшую тварь древко с блестящим наконечником, заставив ее осветиться изнутри и исчезнуть, но тут же появились еще три серые тени, а оружия у сына вождя не осталось. Они готовы были броситься на Ванхемпи, но в этот момент Наташа с криком встала между ним и врагами, закрыла его собой.

– Отойди, – процедил он сквозь зубы.

Она лишь теснее прижалась к его потному, разгоряченному телу. Демоны пытались обойти их со стороны, но тела сплелись в единый организм и не было никакой возможности убить мужчину, не причинив вреда женщине. Они знали, что хозяин хочет получить ее невредимой. Отступили, переключившись на других воинов.

Ванхемпи обернулся.

– Спасибо. Но... Это уже ничего не изменит. Прости, мы проиграли битву.

Он поцеловал ее в губы – нежно, едва прикоснувшись.

Все вокруг – трава, деревья, тела убитых и еще двигающихся, живых – скрылось на мгновение в ярком, испепеляющем свете! По кромке поля прошла извивающаяся молния, выпущенная откуда-то со стороны. Жуткий треск оглушал, воздух наполнился запахом озона. Как только вспышка, сожравшая львиную долю призраков, сошла на нет, на ее место, словно в образовавшийся вакуум, устремились воздушные потоки, создавая завихрения и ураганные порывы ветра.

– Сотури! – воскликнул сын вождя, – Молодец, парень! Успел. А я уж думал – все...

Оставшиеся тени отступили, перегруппировались. Непохоже было, что они сдадутся. Но Сотури и еще один воин, вернувшиеся из проклятой пещеры с древним оружием, не дали им передышки. Молния вспыхнула снова!

Наташа присела на корточки, зажмурилась, зажала уши. В этот раз стихия бушевала в два, а может и в три раза дольше. Когда импульсатор отключили, воздух устремился со всех сторон с такой силой, что сбил людей с ног, пригнул деревья, и, даже показалось, что далекое солнце в сердцевине станции качнулось, не удержавшись в точке гравитационного равновесия.

– Сотури, остановись! Не включай его больше! Это слишком опасно! – Ванхемпи бежал к нему, размахивая руками, и воин послушался.

Множество тел осталось лежать на поле боя. Черные, павшие от рук страшного врага, и окровавленные, ставшие жертвой братоубийственной войны. Кто-то уверял, что видел, как

две или три серые тени скрылись в лесу, но их не стали преследовать. Если будет нужно – создадут отряды и выследят. Их хозяин, Темный Человек, исчез.

Наташа подошла к Ванхемпи, обняла. Посмотрела в большие глаза.

– Где твой отец?

Он, не отрывая от нее взгляда, качнул головой в сторону. Наташа посмотрела туда, увидела, как из кустов помогают выбраться насмерть перепуганному светлому йохтая. Наташа вдруг прониклась жалостью к опозорившемуся, никчемному вождю, но, уважая кровное родство с Ванхемпи, вслух ничего говорить не стала.

* * *

Через неделю экспедиционный корпус, сформированный из тысячи бывших жандармов, окружил поместье старика Фолкора. Люди были хорошо вооружены, в том числе и мощным импульсатором чужих – Ванхемпи взял с них слово, что использовать его будут только в крайнем случае. Они были готовы ко всему.

Но никто их не встретил, не попытался оказать сопротивление. Не было новой армии серых теней и даже простых ловушек никто устанавливать не стал. Начальник смены тюремной секции из очистного квартала, которого все звали просто Коля, вошел в дом, спустился в подвал. Дверь была открыта и когда он приблизился, со стороны аватара станции прозвучал один-единственный выстрел. Целился Фолкор, или нет – Коля так и не понял: пуля прошла мимо. Ответным выстрелом он смертельно ранил старика.

Подошел, присел на корточки. Тот еще был жив.

– Все кончено, Темный. Или кто ты там на самом деле...

Старик захрипел, кашлянул кровью. Согласился:

– Кончено... Нового она... Не создаст. Слишком... Сложно... Последние ресурсы... На энергоюнитов... Ушли... Не обижайте ее... Мою Станцию!

Он снова закашлялся и Коля подумал, что сейчас отойдет, но старик еще нашел в себе силы, спросил:

– А где этот... Майор?

Начальник смены сжал губы, будто не хотел отвечать. Посмотрел по сторонам – на мониторах до сих пор можно было видеть знакомые картинки верхних уровней.

– Он умер. Заражение. Слишком поздно спохватились, ничего уже нельзя было сделать.

– Как жаль... – голос старика становился все тише, слабее, – Могли бы... Вместе... Пшеницу...

Взгляд Фолкора застыл. На мгновение Коле показалось, что в недрах станции что-то вздрогнуло, но, может быть, это была лишь игра воображения.